

ВЕРОНИКА ВЕСТЕРГОРД

ПЛАМЯ И ЛАВР

Вероника Вестергорд
Пламя и Лавр

«Автор»

2026

Вестергорд В.

Пламя и Лавр / В. Вестергорд — «Автор», 2026

Не способный отказать в дружеской услуге добросердечный автомеханик Санчо берётся сопровождать беспокойного сеньора, и они отправляются в путь по раскалённой августовским солнцем магистрали. Жара и многочасовая пробка усиливают навязчивую тревогу пассажира, и Санчо решает свернуть в Валенсию. Там, в краю, где средиземноморский бриз гуляет по цветущим апельсиновым рощам, живёт его бабушка — донья Лаура Гарсия Лопес, женщина девяноста шести лет, чьё янтарное варенье хранит в себе терпкую горечь и сладость минувших дней. О них и поведает это повествование. В тени каменных сводов арены, где воздух застыл в знойном мареве и ожидании корриды, начинается «Пламя и Лавр» – первая часть семейной саги об испытаниях, выпавших на долю молодой доньи и её родного города, об отваге и силе духа, о смелости бросить вызов судьбе и о любви, чей вечнозелёный лавр увенчивает тех, кто сумел сохранить в себе волю к жизни. И автору остаётся лишь пригласить любезного читателя стать свидетелем этой истории.

© Вестергорд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог к читателю	5
Глава первая,	8
Глава вторая,	15
Глава третья,	21
Глава четвёртая,	30
Глава пятая,	37
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пламя и Лавр

Пролог к читателю

о том, как неспособность досточтимого сеньора из Ла-Манчи отказать доброму знакомому в дружеской услуге привела их обоих в Валенсию

Как ни велико было искушение автора начать это повествование с событий давно минувших лет, как того требует строгая хронология, оно, мой почтенный читатель, всё же начнётся в наши с вами дни. Осмелюсь предположить, что вас не раз посещала мысль о летнем путешествии по Испании. И, быть может, она казалась вам заманчивой. Ни в коем случае не стремясь разуверить вас, хочу лишь предупредить и уберечь от горького разочарования, которое предстоит каждому, кто осмелится выехать на восточную автомагистраль в середине августа. Там, на раскалённой солнечным жаром трассе движение неизбежно останавливается. И вам, мой любезный читатель, придется несколько часов созерцать один и тот же вид из окна и наблюдать за тем, как неунывающие водители пытаются перестроиться на соседнюю полосу, едва машины на ней сдвинутся хотя бы на дюйм. Или, когда ожидание становится совершенно невыносимым, выскакивают из салонов, чтобы высказать всё, что они думают об умении друг друга управлять автомобилем.

Впрочем, один из путешественников, досточтимый сеньор из небольшого городка в Кастилии-Ла-Манче не разделял боевой настрой и бодрость духа своих земляков. Он лишь продолжал вопрошать про себя: “И что же вам всем дома не сидится?!”, хотя прекрасно знал ответ на собственный вопрос. Летом до места назначения добираться было всегда труднее. Трассу приходилось делить и с местными, устремившимися к Средиземному морю, и с иностранными гостями, которые преследовали ту же цель. Кондиционер в машине сеньора сломался, как будто само августовское солнце нанесло ему сокрушительный удар, и даже опущенные стекла не спасали от чудовищной духоты.

Спутник сеньора на пассажирском сиденье, дон Алонсо, высунулся из окна, однако вовсе не из-за жары, как это могло показаться на первый взгляд. Дело в том, что в последнее время его одолевало мучительное беспокойство, которое вскоре переросло в навязчивую идею о том, что за ним по пятам следует некий злоумышленник. Убежденность в подстерегающей его опасности росла с каждым днём. Даже племяннице, которая давно привыкла к странностям дядюшки, становилось всё труднее с ними справляться. К тому же совсем скоро должен был появиться на свет её первенец.

– Дон Санчо, – сказала она, – вы говорили, в вашем автосервисе почти нет клиентов...

– И откуда, спрашивается, им взяться, все ведь разъехались на лето! В этом году особенно жарко, вот люди и стремятся к морю, – вздохнул несчастный автомеханик, – ещё и из библиотеки уволили.

– Боже мой, что случилось?

– Ничего, – ответил Санчо, – но в этом всё и дело! Сторож им больше не нужен, есть же сигнализация. К тому же, в нашем городе никому и в голову не придёт воровать книги...

Дон Санчо тяжело вздохнул, вспоминая всё, что ему довелось испытать в последнее время. Четыре года назад разорилась авиакомпания Spanair¹, где он работал механиком с самого её основания. Другого исхода после страшной авиакатастрофы, которой закончился один из её рейсов, нельзя было себе представить. В день трагедии наш досточтимый сеньор был в отпуске, но судьба, уготовавшая компании, настигла каждого сотрудника без исключения. Потеряв работу, он больше не мог оплачивать жильё в Мадриде, и они с семьёй переехали в Эскивиас. Там располагался дом, доставшийся его жене, Терезе, в наследство. Раньше они сдавали его туристам, что отправлялись в Ла-Манчу по следам знаменитого хитроумного идадьго. Теперь они были вынуждены жить там сами. Дон Санчо не терял бодрости духа. Он открыл небольшую автомастерскую, даже устроился в местную библиотеку. Упоминание его отца, профессора филологии, было способно открыть двери в любое культурное учреждение Испании. Однако, даже это не помогло ему поправить положение семьи.

– Я думал, после той катастрофы хуже быть не может. Ошибался

– Пожалуй, у меня найдется для вас дело: дядюшка Алонсо с каждым днём становится беспокойнее. Всё началось с этих проклятых детективов, которыми он зачитывался, и теперь он везде видит угрозу! Я боюсь, что перестану справляться, когда родится малыш. У меня есть сестра в Барселоне, она живёт одна и сможет присмотреть за дядюшкой, пока ребёнок ещё совсем маленький. Не могли ли вы отвезти его?

Санчо принял предложение, благодаря судьбу за эту возможность заработка. Не забыв дать дону Алонсо выписанные ему лекарства, он отправился в дорогу. В самом начале пути, пока таблетки всё ещё оказывали своё успокаивающее действие, беспокойный сеньор находился в приподнятом настроении. Ему казалось, что тайный враг не настигнет их, и почти забыл про него. Однако, после целого часа в пробке его тревога усилилась. Пассажир постоянно высовывался из окна и даже порывался продолжить путь пешком. Потом на лбу выступила холодная испарина, и он закрыл лицо дрожащими руками. Водитель, с тревогой глядя на напуганного спутника, предпринял отчаянную попытку отвлечь его:

– В такую жару невозможно ехать! – воскликнул Санчо, – я думаю, нам стоит сменить маршрут! Поедем через Валенсию.

– Сменить маршрут? – задумчиво спросил его компаньон, а потом одобрительно кивнул, – звучит разумно! Так мы запутаем его!

– Sí, именно так, – ответил водитель, приняв мудрое решение не спорить.

Санчо чудом успел перестроиться на нужную полосу и свернуть на трассу до Валенсии. Вспомнив, что племянница дона Алонсо упомянула, что дядюшку успокаивают длинные истории, он начал рассказывать непривычным для себя самого тихим и вкрадчивым голосом:

– У меня, сеньор, в Валенсии живёт бабушка. Донья Лаура Гарсия Лопес. Вы не представляете, что она за сеньора! Девяносто шесть лет, но сколько в ней жизнелюбия, сколько энергии, только диву даешься. В свои-то годы она танцует фламенко лучше, чем я пешком хожу! Нет, сеньор, это вовсе не преувеличение, – поспешил добавить Санчо, хотя его пассажир не выказывал и тени сомнения.

¹ испанская авиакомпания, прекратившая деятельность в 2012 г. Предпосылкой к этому в значительной степени стала авиакатастрофа 2008 г., унёсшая жизни 154 человек

Увидев, что дон Алонсо начинает успокаиваться от его истории, Санчо удовлетворенно продолжил:

– По утрам бабушка жарит торрихас, сладкие, румяные, так и тают во рту, а запах! У всех соседей слюнки текут. И вот что удивительно, любезный сеньор, даже стоя у плиты, она при всём параде – в нарядном платье, как на праздник, сережки с абрикос каждая, и волосы у неё так красиво уложены. Как она только успевает, до сих пор ума не приложу. А потом она идет на рынок. Там все продавцы её знают, с ней приветливы и милы. Самое свежее только ей – без лишних слов. Каждый валенсиец знает донью Лауру Гарсия Лопес! – не без гордости говорил Санчо, – а какое у бабушки великолепное варенье из апельсинов. Я в детстве ей немного помогал, перемешивал, пробовал понемножку. Правда, секретный ингредиент она мне так и не выдала, все откладывала, мол, маленький ещё. А я, между прочим, был очень смышлённый *tuchacho*², все понимал, попусту никогда не болтал, не то, что нынешняя молодежь.

Водитель глубоко вздохнул, переводя дыхание, а после продолжил рассказ:

– Нынешней молодежи вовек не осознать, через какие испытания ей пришлось пройти в своё время. Ведь моя бабушка обладала не только красотой, но и невероятной силой духа. Она последовала в самое пекло Гражданской Войны за моим дедом, когда он вместе с Медицинским Корпусом отправился на фронт.

Справедливо рассудив, что посвящать и без того тревожного спутника в подробности боевых действий было бы крайне непредусмотрительно, Санчо поспешил перейти к другой истории о бабушке:

– И даже после войны она сохранила смелость и открытость миру. Мой дедушка Санчо стал ветеринаром, и его часто приглашали осматривать боевых быков перед корридами. И бабушка однажды последовала за ним, посмотреть на этих могучих зверей! В тот вечер было так же жарко, как сегодня. И там, в тени сводов Plaza de Toros de Valencia началась совершенно иная история... Если вы хотите, сеньор, я могу вам её рассказать!

Пассажир кивнул, и Санчо начал повествование, которому и вы, мой любезный читатель, сможете внимать в следующей главе.

² исп. парень, мальчик, мальчишка

Глава первая,

в которой повествуется о первой встрече новильеро Хосе Гонсалеса Торреса и доньи Лауры Гарсия Лопес

В вечер воскресенья, когда удушающий зной постепенно уступал место живительной прохладе, знаменитая арена Plaza de Toros de Valencia, словно не замечая этого, кипела в ожидании новильяды³. До начала оставалось полчаса, но зрители уже собирались на трибунах и азартно обсуждали участников предстоящего зрелища, перечисляли имена молодых, но уже подающих надежды тореро. Одно имя, однако, звучало среди публики чаще остальных.

Мужчины восхищались его техникой с мулетой⁴и капоте⁵, точностью ударов и исключительной отвагой. Им было известно, что юноша стал обучаться искусству корриды позже своих сверстников, но были едины во мнении: он не просто сравнялся с ними в мастерстве, но и превзошёл многих. Имя этого тореро⁶было на устах и молодых сеньорит, они шептались о его стати и безупречной осанке, огне, что плескался в его агатово-чёрных глазах и уверенной, по-мальчишески дерзкой улыбке.

³ разновидность корриды, в которой начинающие тореро, новильеро, сражаются против молодых быков

⁴ ярко-красная материя, которая используется тореро в финале корриды

⁵ тяжёлый плащ, который применяется для встречи быка и исполнения артистических приемов

⁶ автор сознательно и последовательно выбирает форму "тореро", отвергая привычное "тореадор" ради чистоты испанского звучания

Этого молодого кабальеро звали Хосе Гонсалес Торрес, минувшей осенью ему исполнилось семнадцать лет. Все, начиная от самых сведущих в корриде почитателей до менее искушённых зрителей прочили Хосе великое будущее. Ведь Господь наградил его всем, что нужно тореро – силой духа и тела, кошачьей гибкостью, сердцем, полным страсти и отваги, и, к чему скрывать от любезного читателя, фигурой, словно выточенной для богато расшитых и изысканно украшенных *trajes de luces* – костюмов огней.

Пока на трибунах не умолкали разговоры, сам новильеро ждал выхода в компании своего наставника, дона Мигеля Родригеса Кортеса. Этот опытный и многое повидавший на своём пути матадор был старше Хосе всего на двенадцать лет, но относился к нему почти как отец и покровительствовал ему с первого дня, когда он ещё мальчишкой посвятил себя искусству корриды.

– Не волнуйся, *muchacho*, – с едва уловимой хрипотцой произнес дон Мигель, – в таких боях ты уже не раз участвовал.

Хосе удивлённо вскинул брови, готовый поклясться, что не выказывал ни малейшего признака беспокойства.

– Что вы, maestro, я абсолютно спокоен. Правда, время перед выходом всегда тянется так медленно, словно никогда не закончится.

– Да что ты говоришь, – буркнул дон Мигель в ответ, – всего полчаса до начала, а быков так и не осмотрели! Где носит этого ветеринара?!

Молодой тореро вздохнул, только пожав плечами в ответ. За годы тренировок он хорошо узнал наставника: когда дон Мигель сам предавался тревожным думам, он почему-то начинал утешать других – неважно, был ли у них повод для печали или нет. Тем не менее, мой любезный читатель, у матадора всё же был веский повод переживать. Быков уже перевели в загоны, где им предстояло дожидаться своего выхода – чтобы не терять время даром. Однако, без осмотра животных о начале новильяды не могло идти и речи.

Наконец в коридоре послышались шаги, и оба тореро встрепенулись. Однако вместо ветеринара появилась сеньорита Мария Мартинес Кастро, с которой Хосе дружил с самого детства. Её отец был богатым заводчиком боевых быков и обладал немалым влиянием на Plaza de Toros de Valencia. Этим Мария пользовалась при любом удобном случае. Если ей хотелось навестить Хосе, она не ведала отказа.

Дон Мигель тяжело вздохнул, недовольный такими вторжениями, которые уже стали традицией, но понимал собственное бессилие. Напористая сеньорита вновь стояла у порога. В таком платье из красного атласа и сверкающих украшениях она могла бы блистать на роскошном приёме, а не мести подолом пыль и клочки сена под сводами арены. Запах её духов, казалось, заглушил даже стойкий запах бычьего пота. Едва заметно наморщив нос, дон Мигель поприветствовал незваную гостью с надлежащей кабальеро вежливостью и учтивостью:

– Buenas noches⁷, сеньорита Мартинес!

Сеньорите же, казалось, не было никакого дела до образцовых манер дона Мигеля. Она пришла ради другого тореро.

– Хосе! ¡Hola!

– Мария! ¡Hola, amiga!⁸

Хосе широко улыбнулся, шагнул к ней, легко обнял и расцеловал в обе щеки:

– Какая ты сегодня... нарядная... Точь-в-точь моя мулета! Эй, хочешь сегодня быть вместо неё?

С этими словами Хосе схватил Марию за руку и принялся кружить её вокруг себя, словно пытаясь повторить свои знаменитые пассы. Молодой тореро хохотал, как будто вновь оказался в детстве, а сеньорита взвизгнула не то от неожиданности, не то от разочарования – совершенно не на ту реакцию она рассчитывала.

⁷ исп. Добрый вечер.

⁸ исп. Привет, подруга!

- Хосе, прекрати, голова кружится! ¡Basta⁹! ¡Basta!
– И вправду, ¡basta! – не выдержал дон Мигель.

Так продолжалось все те годы, что Хосе тренировался под чутким, но твёрдым руководством дона Мигеля. Сеньорита Мартинес появлялась каждый раз – будь то перед важной тренировкой или в день корриды, всегда при полном параде, а Хосе неизменно впадал в детство и устраивал форменный балаган. И с таким же постоянством игнорировал все усилия подруги произвести впечатление.

– Хосе, – строго взглянул он на своего ученика, – скоро твой выход, а ты что творишь? Сколько тебе лет, десять? А вы, сеньорита Мартинес, можете пройти на трибуны – Хосе должен подготовиться к корриде.

– Дон Мигель, – Мария едва успела восстановить равновесие после “пассов” Хосе, – я всего лишь пришла пожелать удачи своему... amigo.

Она хотела, чтобы её слова прозвучали непринуждённо, но внимательный слушатель наверняка распознал бы легкую досаду.

– А на трибуны я не пойду, – заявила Мария, – не люблю быков. Их в усадьбе моего отца предостаточно...

Долгожданное появление ветеринара избавило тореро от необходимости продолжать эту беседу, не задавшуюся с самого начала. Санчо Панса дель Кампо, молодой, но уже прошедший тяжёлые жизненные испытания, направлялся к загону, слегка припадая на левую ногу – он был ранен во время Гражданской войны. Тёплый и мягкий взгляд его глаз успокаивал, и даже порядком раздражённый дон Мигель вдруг потерял всякое желание ругаться. Рядом с ветеринаром, держа его под руку, шла молодая женщина, с живым интересом оглядывая загоны и могучих быков, которые, казалось, при виде её почтительно стихли.

– Дон Мигель, – ветеринар обратился к старшему тореро, – ¡perdón¹⁰! Задержался – ну надо же было так совпасть! И скачки, и собачьи бега, и новильяда – всё в один день! И, конечно же, в разных концах Валенсии!

Дон Мигель добродушно махнул рукой.

– Всё в порядке, сеньор Панса, не будем терять времени! Начните с Маркиза, наш новильеро сегодня выходит против него.

А Хосе уже не слышал ни наставника, ни ветеринара. Как только он увидел супругу сеньора Пансы, всё вокруг исчезло. Он смотрел лишь на неё. Молодая женщина без тени страха подошла ближе к быку, которого как раз осматривал ветеринар. В её взгляде читалось лишь спокойное участие, безмолвное и глубокое. Нечто, что юный тореро не встречал никогда раньше, нечто, что поразило его до глубины души.

– Мария, – тихо, почти не шевеля губами, произнёс он, – кто она?

⁹ исп. Хватит!

¹⁰ исп. Прошу прощения!

Сеньорита Мартинес не верила собственным ушам. После того, как Хосе кружил её как мулему, она не могла представить еще большего унижения.

– Да это жена нашего ветеринара, – сухо бросила она, – моя старшая сестра с ней вместе училась. Лаура Гарсия Лопес...

Хосе шумно выдохнул, расплываясь в широкой улыбке. “Лаура...” – повторил он про себя. Имя, самое красивое на свете, отзывалось эхом во всём его существе, а взгляд упоённо скользил по её профилю. Ловил каждый взмах ресниц. Лёгкое движение руки, поправляющую выбившийся из причёски локон. Изящную линию шеи и плеч. В простом жёлтом платье она казалась ему солнцем, что наполнило сумрак помещения ясным, чистым светом, который в одночасье затмил всё вокруг. Она сказала что-то мужу, и они оба засмеялись, так легко, так искренне. И больше Хосе ничего не слышал – только её звонкий смех и собственное, бешено колотящееся сердце.

Дон Мигель бросил короткий взгляд на молодого тореро и чуть прищурился. Матадор с трудом узнал своего подопечного. Хосе застыл, почти не моргая и едва дыша. Старший тореро

нахмурился и покачал головой. Не нужно было быть провидцем, чтобы понять, что творилось на душе семнадцатилетнего юноши. И это, без сомнения, не сулило ничего хорошего.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, супруга ветеринара неожиданно обернулась. Сияние её прекрасных ореховых глаз показалось Хосе почти божественным откровением. Донья Лаура, не смутившись, мягко улыбнулась ему. Сердце Хосе пропустило удар. И он, не осознавая, что делает, на чистом порыве сделал шаг вперёд.

– Позвольте представиться... – начал он, но голос его дрогнул.

Дон Мигель, стоявший рядом, неслышно для остальных иронично прошептал: «Как будто тебя кто-то просил».

– Хосе Гонсалес Торрес, новильеро. Это большая честь...

Ветеринар, добродушно усмехнувшись, кивнул:

– Очень приятно, сеньор Гонсалес. Санчо Панса дель Кампо, а это моя жена, донья Лаура Гарсия Лопес. Вы сегодня выходите на этого красавца? – он указал на быка, – скажу сразу: зверь в прекрасной форме, бдителен и силен. Будьте осторожны.

– Sí... – пробормотал Хосе, и, немного замешкавшись, добавил, – gracias¹¹...

– Удачи вам, сеньор Гонсалес, – сказала донья Лаура, – пусть ваше искусство победит грубую силу.

Обменявшись ещё парой любезностей, ветеринар с женой удалились. А Хосе всё стоял и смотрел им вслед. Вернее, вслед донье Лауре. Его рот был слегка приоткрыт, а во взгляде застыло некое благоговение. В голове у Марии вдруг всплыла фраза, вычитанная ею в романе одной мудрой и проницательной англичанки: «Если мужчина влюблён, он похож на овцу». И с ужасом и ледяной тоской в сердце, она узнала у Хосе тот самый блаженный, глупый и абсолютно счастливый взгляд.

“Точно... – подумала она, возненавидев этот взгляд до глубины души, – самая настоящая овца”

Дон Мигель подошёл к юношей и тихо произнёс:

– Пойдем, muchacho, нужно проверить шпаги...

Под благовидным предлогом он отвёл ошеломлённого Хосе в сторону. Тут его голос потерял отеческие нотки и стал твёрдым и низким, каким он бывал только перед выходом на арену.

– Слушай меня внимательно, и запомни! – в его голосе звучала сталь – донья Лаура – замужняя женщина. А её супруг – человек исключительной чести. Любой твой неверный шаг, любой непристойный взгляд оскорбит их обоих. Дыши ровно. Сосредоточься на корриде и веди себя как настоящий кабальеро. Понял меня?

¹¹ исп. Спасибо

Хосе молча кивнул, но в его глазах, полных смутения, ещё плескалось море, в которое он только что был готов броситься с головой.

– И пока ты не забыл окончательно, где находишься, – добавил Мигель, – скоро твой выход! Ты готов?

– *Sí, claro*¹²... – произнес Хосе как можно решительнее, однако, даже самому себе он не казался убедительным.

– Тогда вперёд! Соberись, и помни – там, на арене, только ты и бык!

Наконец, публика дождалась кульминации зрелища и радостно приветствовала молодого тореро. Хосе Гонсалес исполнял до мелочей привычный церемониал, но в его походке чувствовалась рассеянность, во взгляде – отрешённость, а улыбка была такой, словно он и сам не знал, зачем пришёл и что сейчас происходит. Вы, мой проницательный читатель наверняка уже догадались, в чём причина такой разительной перемены, но зрители недоумённо смотрели на своего любимца, гадая, какая неведомая хворь пустила в нём губительные корни.

Когда выпустили быка, Хосе словно начал просыпаться, но грёзы всё же не отпускали его окончательно. Вспомнив взмах ресниц прекрасной сеньоры, он взметнул мулету, и она, словно алое пламя прорезала воздух прямо перед быком. Зверь, потеряв ориентир, развернулся и бросился обратно – туда, где стоял его соперник. Хосе вновь всплеснул мулетой и, словно танцуя, изогнул спину, и бык стремительно пронёсся мимо. Над трибунами раздавались неровные, дрожащие от восторга вздохи сеньорит, которые ловили каждый поворот, каждый пасс юного тореро. Однако, почтенные сеньоры едва ли разделяли их восторг. Подчас им казалось, что новильеро выступал отдельно от быка, на которого он словно не обращал никакого внимания. Они сначала шептались, а потом стали громко переговариваться с растущим негодованием: “Мы шли смотреть корриду, а получили балет” и “Кончай уже эти пляски, *muchacho!*”.

Так продолжалось десять минут. Бык сбавил темп, уже не бежал, а лениво трусил по арене, словно сам пребывал в том же недоумении, что и зрители. Случилось нечто, чего с Хосе не происходило так давно, что он перестал верить в возможность подобного. Ему вынесли первое предупреждение: на убийство быка остались считанные минуты. Но в защиту юного тореро скажу, мой терпеливый читатель, что эти минуты стоили всех предыдущих. Хосе Гонсалес собрал волю в кулак, выдохнул – и показал всё, за что его уже называли будущей легендой, и вышел из битвы победителем. Дамы аплодировали ему с восхищением, а сеньоры – с заметным облегчением. Юный тореро принимал овации с привычной улыбкой. Но она тут же исчезла, когда он поймал на себе суровый взгляд дона Мигеля – взгляд, от которого и у опытного матадора сердце ушло бы в пятки.

Первая любовь, мой любезный читатель, кажется чувством, которое до вас никто не испытывал. Юному сердцу неведомо, что под луной уже случилось бесчисленное множество подобных историй – ведь своя кажется неповторимой, истинной, не похожей ни на одну другую. Именно такое всепоглощающее чувство испытал в тот день новильеро Хосе Гонсалес Торрес. О том же, куда оно его приведёт, речь пойдёт в следующей главе.

¹² исп. Да, конечно.

Глава вторая,

в которой автор пользуется случаем представить любезному читателю сеньориту Луизу Гарсия Лопес, младшую сестру доньи Лауры, и поведать о том, как исчез новильеро.

День был жарким, и воздух, напоённый запахом пыли, сена и раскаленного песка, словно застыл в томительном ожидании грозы. Санчо Панса дель Кампо с невозмутимым спокойствием осматривал очередного «пациента» – молодого, строптивого бычка, мягко разговаривая с ним и проверяя его готовность к выходу на арену. Донья Лаура стояла неподалёку, наблюдая за мужем с мягкой улыбкой. Рядом – Хосе Гонсалес Торрес, облокотившись на деревянную ограду, следил за работой ветеринара. Вернее, весьма успешно делал вид, что исключительно за работой он и наблюдал.

– Ваш супруг, сеньора Гарсия, обладает настоящим даром, – молодой тореро изящно воспользовался поводом обратиться к донье Лауре, – животные чувствуют, что он не боится. Так устроен мир корриды – как только они замечают страх, всё кончено.

– Они чувствуют в нём доброту, – поправила его Лаура, и её ореховые глаза блеснули тёплым светом, – они ему доверяют. Вот его дар. Ведь не Санчо предстоит выходить против них с мулетой и эстоком. При всём уважении, maestro, у быков гораздо больше причин доверять моему мужу, чем, скажем, вам... – добавила она, улыбнувшись и слегка наклонив голову.

– Tiene razón¹³... – вздохнул Хосе, слегка смутившись, но не сдержав торжествующей улыбки. Слово maestro из уст доньи Лауры обладало для юного тореро каким-то особенным весом.

¹³ исп. Вы правы.

Вдруг к загону подошла Луиза, младшая сестра доньи Лауры. На её лице играла озорная улыбка. Луиза не обладала лучезарной красотой старшей сестры, но была мила и отличалась удивительными для её возраста умом и проницательностью. Всем без исключения приходилось лишний раз обдумывать свои слова, чтобы не стать объектом её метких и колких насмешек. Она медленно, с преувеличенным интересом окинула взглядом группу: сосредоточенного Санчо, могучего боевого быка и... собственную сестру с молодым тореро, стоявших у ограды в нескольких шагах. Луиза удивлённо присвистнула. Этот поистине занимательный этюд вызывал у неё всё большее любопытство.

– Доброго дня, сеньоры...

Луиза отдала должное правилам вежливости и, не тратя время на прочие церемонии, обратилась к сестре

– Лаура, красавица моя, – с мнимой серьёзностью начала она, подходя ближе, – тата́ послала меня удостовериться, не съел ли тебя бык. Мало ли, какой-нибудь молодой, симпатич-

ный и очень голодный бык, – её взгляд скользнул по Хосе, и губы дрогнули в сдерживаемой улыбке, – можно тебя на пару слов?

Донья Лаура с лёгким вздохом сделала шаг в сторону сестры. Хосе вежливо кивнул Луизе, провожая взглядом Лауру. После чего поспешно развернулся к Санчо, который всё ещё рассказывал о растяжении мышц у одного из быков, в блаженном неведении, что его собеседник пропустил по меньшей мере половину сказанного.

Как только они отошли достаточно далеко, Луиза схватила сестру за руку и прошептала с притворным ужасом:

– ¡Madre mía!¹⁴ Так вот что ты называешь сходить посмотреть на боевых быков! Какая несправедливость, могла бы и позвать с собой сестру. Которая до сих пор не замужем! – упрекнула она Лауру, – хотя, кому нужны эти рогатые зверюги, когда тут разгуливает сам Сеньор Узкие Штаны! Неужели не видишь, бедный muchacho вертится здесь исключительно ради тебя? Явно не для того, чтобы послушать учёные суждения твоего Санчо. Никогда не поверю, что тебе не лестно внимание такого видного кабальеро?

Донья Лаура лишь покачала головой.

– У тебя, hermanita¹⁵, голова вечно занята романами. Даже там, где их нет и в помине. Мне лестно внимание лишь одного человека...

Она кивнула в сторону мужа.

– Это ты рассказывай своему любителю живой природы, а меня не проведёшь!

– Кстати о любви к природе, – слегка лукаво ответила Лаура, – а кто на прошлой неделе ходил гулять во фруктовые сады, потратив перед этим целый час на выбор платья? Неужели ты так к сбору персиков готовилась? Или дело всё же в красивых chicos¹⁶, на которых ты ходила любоваться?

Луиза фыркнула, но щёки её слегка порозовели.

– Какая ерунда. Это красивые chicos любовались на меня, а не я на них... Ну ладно, ладно, не буду мешать тебе... смотреть на быков.

Луиза произнесла это с таким пафосом, что её сестра не смогла сдержать улыбку. Насмешница направилась было к выходу, но Лаура окликнула её:

– Луиза, а что хотела mamá?

– Ах да... Вечно ты меня сбиваешь с толку своими глупостями, – Луиза обернулась, – mamá просила передать, что забрала Санчито и Карлоса к врачу.

Донья Лаура ахнула:

¹⁴ исп. Матерь Божья

¹⁵ исп. сестричка

¹⁶ исп. парни, мальчики

– Боже! Что случилось? Я пойду к ним сейчас же.

– Подожди-подожди, дело не в этом, мальчики в полном порядке. Это мамá пошла к доктору, на чашечку кофе. А niños¹⁷она взяла, чтобы соблюсти приличия, и люди меньше болтали – мамá этого ох как боится... Это я придумала, скажи: я же умница, правда?

– Не то слово, умница – отправить мамá на свидание, чтобы она повела моих малышей в больницу. Вдруг они что-то подхватят, они же ещё совсем маленькие.

– Вот же зануда! Они сейчас сидят в Horchatería de Santa Catalina, и мальчики получили по большой кружке горячего шоколада с чуррос, – попыталась успокоить сестру Луиза, – послушай, после смерти рарá прошло столько лет! Мамá стоит развеяться.

– И всё же я заберу мальчиков, тем более, вот-вот начнётся гроза, – донья Лаура обеспокоенно взглянула на небо.

– Как скажешь, сестрица...

Луиза вновь посмотрела на Хосе, который всё ещё стоял рядом с Санчо, но изредка косился на супругу ветеринара. Вскоре младшая сестра ушла, и томительные минуты ожидания подошли к концу. Донья Лаура вернулась, но ненадолго. Шепнула что-то на ухо Санчо, тот вздохнул и понимающе покачал головой. Потом она вежливо попрощалась и удалилась, так что юному новильеро пришлось ждать целую неделю до новой встречи на очередной корриде, когда достопочтенный Санчо Панса дель Кампо, верный своему профессиональному долгу, придёт совершить осмотр быков.

– В прошлый раз вы ушли так внезапно, сеньора Гарсия, – заметил Хосе, – не хочу показаться бестактным, но не могу не спросить: всё в порядке?

– Благодарю, сеньор Гонсалес, – кивнула донья Лаура, – всё хорошо. Просто моя сестра Луиза, – она усмехнулась, – вновь проявила чудеса предприимчивости...

– А я сразу понял, что сеньорита Луиза ваша младшая сестра, – неожиданно промолвил тореро, – не по внешности, а по взгляду, такому ехидному, всезнающему... Он мне хорошо знаком, мой младший брат, Эстебан, так же смотрит на меня.

– Неужели?

В глазах доньи Лауры промелькнул огонёк, яркий и задорный, как воспоминание о детстве.

– Точно так! – с жаром ответил Хосе, ощутив прилив воодушевления и лёгкий азарт, – такой взгляд говорит без лишних слов: “Что бы ты не задумал – мне всё уже давно известно. И если захочу – и об этом узнают родители!”

Раззадоренный вниманием прекрасной сеньоры и их беседой, затянувшейся дольше обычного, Хосе слегка наклонил голову набок и исподлобья посмотрел на донью Лауру, стараясь передать всё озорное лукавство, насмешку и вызов, которые плескались в глазах Эстебана – тринадцатилетнего бесёнка с не по годам острым умом и цепким взглядом, который с самого детства обладал удивительной способностью появляться в самые неподходящие для старшего брата моменты. Именно так – с нарочитой серьёзностью и ехидством – он, ещё будучи трёхлетним карапузом, глядел на Хосе, когда застал его за отчаянными попытками закопать осколки разбитой бабушкиной вазы. Или совсем недавно – когда Хосе возвращался домой уже на рассвете, через окно, предусмотрительно оставленное открытым.

¹⁷ исп. дети

Сеньора не пыталась сдержать внезапно нахлынувшее веселье. Сходство взгляда новильеро с лукавым прищуром пронизательных глаз её собственной сестры было очевидным, и не менее очевидным было рвение, с которым Хосе старался передать его. Донья Лаура засмеялась – так заливисто, словно птички трели ранним утром, легко, как бриз со Средиземного моря и так свободно, будто ни время, ни пространство не было властно над этим порывом.

– Точно! – воскликнула она, наконец, – именно так Луиза и смотрит.

Хосе стоял, замороженный и совершенно растерянный, не веря собственным ушам. А потом, окрылённый этой неожиданной победой и счастливый до головокружения, каким не был со времён своей первой корриды, он тоже разразился хохотом. Они смеялись, и в этом смехе не было ни намёков, ни недосказанности – только радость внезапного узнавания чего-то близкого и до боли знакомого, что наполняет сердце упоительной лёгкостью самого бытия.

Смех начал стихать, донья Лаура глубоко вздохнула, по-прежнему улыбаясь, а Хосе всё ещё держался рукой за живот. Тёмный локон выбился из прически сеньоры, а молодой тореро протянул руку и осторожно, с едва скрываемой нежностью поправил его. Дон Мигель Родригес Кортес стал невольным свидетелем этой сцены и незамедлительно направился к ним. С должной почтительностью поприветствовал супругу ветеринара и позвал Хосе помочь с последними приготовлениями перед корридой. Улыбка *maestro* была настолько тёплой и вкрадчивой, что даже внимательный собеседник не смог бы представить, что таится за ней на самом деле – не смог и молодой тореро, который легко поклонился донье Лауре на прощание и привычно последовал за наставником.

– Как дела, *muchacho*, хорошо проводишь время? – таким же мягким голосом, как до этого, произнёс дон Мигель.

– Да, – с кристальной честностью ответил Хосе, но в следующий миг осознал, как опрометчивы были его слова.

Скоро он получил тому явное подтверждение. Улыбка дон Мигеля исчезла, словно мираж в раскалённых песках, и он резко, без всякого милосердия отвесил Хосе увесистый подзатыльник. Быстрый, хлёсткий и унижительный.

– Ай!

Несмотря на боль, которую после стольких лет почти забыл, тореро остался стоять прямо:

– За что?

– У тебя ещё и наглости хватает спрашивать, – прошипел дон Мигель, – я предупреждал тебя о донье Лауре, и ты, паршивец, прекрасно это помнишь. Что ты устроил?!

– Ничего, *maestro*, клянусь! Мы разговаривали, я просто пошутил, а она засмеялась!

– Конечно, она засмеялась, Хосе, и знаешь почему? Потому что ты – смешон! Она достойная сеньора, супруга не менее достойного человека, а ты... посмотри на себя, весь переливешься, крутишься вокруг, как волчок, рожи корчишь. Тоже мне, кабальеро...

Хосе не отрицал слов наставника, чувствуя серьёзность обвинения, но даже в этот момент не позволил себе опустить взгляд. Его глаза, хоть и потемневшие от обиды, горели упрямым огнём. Новильеро продолжал стоять прямо, до боли стиснув зубы и от напряжения сжав кулаки.

– Может, тебе лучше податься в театр, раз ты так вжился в образ романтического героя? Можешь там хоть сутками кривляться, как сейчас перед доньей Лаурой...

– Не смейте так говорить, – произнёс Хосе, в голосе его впервые прозвучала ярость.

– Ах, вот как? – maestro прищурился, – смотрите, какой у нас нашёлся храбрец. Ты думаешь, что я с тобой шучу, что буду всю жизнь с тобой носиться и пылинки с тебя сдувать, гладить по головке, чтобы ты мог и дальше щеголять перед чужими жёнами? Ты ошибаешься! Это не сцена, Хосе, это коррида, где жизнь от смерти отделяет единственный взмах мулеты! Это благородное искусство, предназначенное тем, кто сохранил в себе честь. Смелость встретиться лицом к лицу с собственной судьбой. А ты, ты ведёшь себя, как глупый юнец. И если не способен быть мужчиной – уходи. Здесь тебе не место!

Хосе тяжело дышал, смотря прямо в глаза наставнику.

Дон Мигель не мог остановиться: гнев, разочарование и даже страх вырвались наружу с той же неудержимой силой, с какой бык срывается с места, едва увидев красное полотнище.

– Ты перепутал арены, Хосе, – рявкнул он, – тебе не на Plaza de Toros, а в цирк! Раз у тебя так хорошо получается выставлять себя на посмеище!

– Вы не правы! – выкрикнул Хосе, – я никогда, никогда не позволял другим унижать меня, не позволю и вам! Я тореро, и мое место здесь...

– Так докажи это! – бросил Мигель, – веди себя, как мужчина. Как тореро.

Он замолчал на секунду, а потом добавил, почти шёпотом – страшным от того, каким холодным он был:

– Да поможет тебе Бог, если провалишь корриду из-за собственной глупости.

Хосе не ответил. Он молча надел монтеру¹⁸, лишь на миг задержав взгляд на Мигеле, уверенно направился к выходу на арену, навстречу солнечному свету, навстречу собственной судьбе. Не оглядываясь. Его шаг был твёрдым – не от юношеской бравады, а от спокойной, непоколебимой решимости. Пассы – отточенные, дерзкие, бросающие вызов не наставнику, не быку и даже не себе – а самой смерти. И, мой любезный читатель, пусть эта новильяда не стала для молодого тореро последней, можно с уверенностью сказать: именно здесь исчез Хосе-новильеро. В центре арены, с тушей поверженного быка у ног, в гуле оваций и криков ¡Olé! стоял матадор. Матадор Хосе Гонсалес Торрес.

Здесь, мой любезный читатель, автору остаётся лишь пригласить вас стать свидетелем прочих событий сего повествования: и давно минувших, и будущих. О них будет рассказано в следующей главе.

¹⁸ головной убор тореро

Глава третья,

в которой повествуется об удивительных свойствах пламени Las Fallas, что далеко не всё сжигает дотла

Нельзя с уверенностью предполагать, что вам, любезный читатель, доводилось побывать в Валенсии зимой. Но если же этот опыт вам был дарован, смею надеяться, что вы лишь подтвердите мои слова. Зимы в этих краях отличаются совершенно особенной кротостью нрава, и по-настоящему холодные дни приходят исключительно редко. И каждый год, когда приходит срок, зима уступает место весне, почти не сопротивляясь. С каждым днем солнце всё щедрее и обильнее одаряет валенсийскую землю своим теплом, воздух наполняется дурманящим ароматом цветущих апельсиновых деревьев и весёлыми трелями птиц. А люди, люди встречают весну с такой непосредственной, детской радостью, словно впервые.

Однако, времени на радостное созерцание почти не оставалось с приближением фестиваля Las Fallas¹⁹ – пяти дней, когда валенсийцы оказывали весне поистине грандиозный и радушный прием. Улицы украшались яркими гирляндами и фонариками, повсюду открывались нарядные лавочки со сладостями, а на площади, под бойкий перестук молотков и возгласы плотников, возводили помост для статуи Девы Марии. Лучи утреннего солнца скользили по её лику: спокойному и мягкому, словно сама валенсийская весна.

Из года в год горожане по традиции собирались на выставке праздничных фигур ninots – прежде, чем они украсят городские улицы. Многочисленные скульптуры, и миниатюрные, и исполинские, некоторые из дерева, другие из папье-маше, представляли собой удивительную вереницу ярких лиц, сцен и характеров: крестьяне, купцы, ремесленники, дети, старики, герои мифов и легенд. Иногда казалось, что все эти фигуры оживали и рассматривали собравшуюся публику с ничуть не меньшим любопытством, чем публика созерцала их.

Однако для доньи Лауры эти выставки были не только праздным зрелищем: каждый раз, глядя на пёстрые фигуры, она невольно возвращалась мыслью к одной весне – той самой, что изменила всю её жизнь.

Тогда Лауре Гарсия Лопес было пятнадцать лет, и она вместе с родителями и младшей сестрой отправилась смотреть праздничные скульптуры. Рарá, профессор медицины Валенсийского университета, разговорился со своим хорошим знакомым, доцентом кафедры физиологии, а татá была занята попытками убедить Луизу: висеть на руке картонного циркового силача, чтобы проверить, действительно ли он так силён, как кажется, по крайней мере неразумно. Лаура с улыбкой наблюдала за этой сценой, и к тому же сама фигура силача, громоздкая и удивительно непропорциональная, казалась ей ужасно забавной.

– Не думаю, что такой силач в жизни поднял бы хоть что-нибудь тяжелее пары сапог, – вдруг услышала она незнакомый мужской голос, – это же надо так вывернуть бедняге руки...

– Точнее и не скажешь, – засмеялась она, радуясь, что не только она обратила внимание на нелепость скульптуры, и подняла глаза на говорящего.

¹⁹ исп. Да здравствуют новобрачные! Да здравствуют тореро и его сеньора!

Перед Лаурой стоял девятнадцатилетний юноша – высокий, кудрявый с выразительными чертами лица и весёлыми искорками в добрых, спокойных глазах.

– А вы скульптор, сеньор? – спросила она с живым интересом.

– Нет, сеньорита, – покачал головой молодой человек, – но я изучаю медицину и поэтому неплохо разбираюсь в анатомии. Разумеется, я не могу поставить диагноз без должного осмотра, но готов поклясться, что мы имеем дело с по меньшей мере с вывихом обеих конечностей...

Молодые люди засмеялись, мельком глядя то на страдальца из папье-маше, то друг на друга.

– Прошу прощения, сеньорита, было бестактно обращаться к вам, не представившись. Я Санчо, Санчо Панса дель Кампо.

– Лаура Гарсия Лопес, – девушка улыбнулась новому знакомому.

Санчо с должным тактом воспользовался поводом продолжить беседу.

– Интересно, какую из фигур помилуют в этом году, как вы думаете?

– Я думаю, вот эту – сеньорита указала на фигуру танцующих, – посмотрите, какие изящные костюмы, как точно передан танец... Этот поворот, этот взмах руки... Здесь есть что-то особенное, невероятно трогательное и красивое. Я не могу представить, что эта фигура сгорит в огне Las Fallas!

Девушка говорила с пылкой уверенностью, а её ореховые глаза восторженно блестели:

- А вы, сеньор Панса, как считаете? Какую из фигур помилуют?
- С уверенностью могу сказать, что не эту!

Молодой человек кивнул в сторону скульптуры в военной форме, что подозрительно напоминала Франсиско Франко. Лаура и Санчо снова рассмеялись – со всей беспечностью и жаром юности, не ведая, что тот, кого сейчас изображали в папье-маше, вскоре разожжёт

совершенно иное пламя – беспощадное, неистовое и равнодушное к судьбам и жизням, пламя, в котором сгорят не фигуры, а сама Испания.

– Лаура! – в этот момент сеньориту окликнула её мать, – мы уже уходим!

Сеньорита легко кивнула ей и бросила последний взгляд на Санчо.

– Мне пора, – промолвила она.

– Понимаю...

Молодой студент на мгновение опустил взгляд, но потом вновь взглянул на Лауру, решительно, с надеждой:

– Но я ведь увижу вас снова, на празднике?

– Да... Las Fallas продлится ещё три дня, – чуть тише ответила сеньорита, – мне было приятно беседовать с вами, сеньор Панса...

– Взаимно, сеньорита Гарсия... – поклонился Санчо.

Лаура Гарсия Лопес ушла в сопровождении родителей и сестры, которая хихикала, цепляясь за её руку. Санчо долго стоял на месте, смотря вслед сеньорите, и твёрдо решил: он сделает всё, чтобы вновь увидеть её. Их взгляды вновь встретились тем же вечером, когда ночное небо озарилось яркими вспышками салюта, а потом в последнюю ночь Las Fallas, когда в жарком пламени сгорели все праздничные фигуры – все, кроме танцующей пары, на которую указала Лаура.

В это же время, когда зародилась любовь между Санчо Пансой дель Кампо и Лаурой Гарсия Лопес, в сердце одной десятилетней девочки неумолимо росло и набирало силу детское, упрямое, но трепетное чувство к ровеснику. Детей звали Мария Мартинес Кастро и Хосе Гонсалес Торрес. Мария, дочь богатого заводчика боевых быков, росла в усадьбе на окраине Валенсии. Хосе, сын сапожника, жил на шумной улице в ремесленном квартале Ruzafa, среди мастерских и лавок. Иногда он приходил в усадьбу родителей Марии подрабатывать, ведь его семье частенько не хватало денег.

Мария, несмотря на юный возраст, обладавшая почти зрелой грацией и внутренним достоинством, и Хосе – тогда долговязый, худенький и нескладный мальчишка – казались разными, как ночь и день. Тем не менее, между детьми, вопреки всем различиям, завязалась дружба. Отец Марии, дон Мануэль Мартинес, не одобрял их общения, однако Мария и Хосе всё равно проводили время за играми. Порой они нарушали строгий запрет и подходили прямо к пастбищу, где паслись боевые быки, и Хосе, демонстрируя своё бесстрашие, забирался на деревянную ограду и корчил рожицы могучим животным:

– Беееееееее!

– Хосе, ты что делаешь? – Мария боязливо оглядывалась, – это глупо!

– И вправду! – мальчишка только смеялся в ответ, – надо так: "Мууууууууу!"

Ещё дети часто кормили лошадей морковкой и яблоками, фехтовали на палках, бегали наперегонки и даже строили плот, чтобы отправиться в плавание вниз по реке Турия в надежде выйти в открытое море и найти настоящий остров с кокосовыми пальмами, диковинными птицами и дикими аборигенами. В такие моменты Мария забывала о манерах, которым её ста-

рательно учила мамá, и беззаботно предавалась обыкновенным детским радостям. Особенно она любила фестиваль Las Fallas, ведь ей разрешалось бывать в самом центре города, где она могла целый день играть со своим другом. Вот и тогда Хосе и Мария, словно два безудержных вихря, неслись по улицам Валенсии, залитым светом весеннего солнца, под гитарные аккорды и жизнерадостные валенсийские песни.

Это было воскресенье – день Святого Иосифа, или Хосе на испанский манер, в честь которого был назван первенец сапожника. На нём была новая тёмно-синяя куртка, чуть великоватая для своего обладателя, с аккуратными лацканами, блестящими пуговицами и платочком в нагрудном кармане – родители хотели, чтобы сын выглядел достойно в именины. Каблуки до блеска начищенных башмаков, добротного сделанных его отцом, звонко отбивали весёлую дробь, пока именинник мчался по мощёной улице. Мария изо всех сил старалась не отставать. В небесно-голубом платье с оборками и кружевным воротничком, бархатной пелерине и шляпке из пыльно-розового фетра девочка напоминала фарфоровую куклу, которая вдруг ожила, прыгнула с витрины магазина и поспешила навстречу приключениям. Теперь она краснелась от быстрого бега и совершенно не обращала внимания ни на сползшую на затылок шляпку, ни на растрепавшиеся шёлковые ленточки, ни на то, что уже успела испачкать подол платья.

На празднично украшенной площади Хосе остановился у небольшой лавочки, у которой упоительно пахло жареным тестом. С достоинством взрослого кабальеро мальчик встал в очередь, доставая из кармана мешочек с подаренными на именины монетами. Вскоре он вернулся к подруге с двумя кулками обжигаяще горячих чуррос, щедро посыпанных сахаром. Они уселись на каменную скамью и, болтая ногами, принялись за трапезу. Хосе ел, едва успевая прожёвывать, а Мария, напротив, растягивала удовольствие – и время от времени бросала маленькие кусочки чуррос голубям.

Вдруг дети заметили на площади человека, появление которого, казалось, почти не впечатлило Марию, но Хосе заставило замереть, с чуррос, комично торчащим изо рта. Это был матадор, облачённый в золотистый traje de luces, который уподоблял его самому яркому лучу солнца. Матадор с улыбкой принимал приветствия и радостные окрики горожан, а Мария хмыкнула, словно стараясь подчеркнуть своё превосходство:

– Это сеньор Мигель Родригес Кортес, он бывал в нашем доме на приёмах у рарá, – произнесла она с видом знатока.

– Мария, – сказал Хосе с несвойственной ему задумчивостью, – наверное, хорошо быть тореро. По крайней мере, веселее, чем сапожником...

– Да, – пожала плечами Мария, – у них красивые костюмы...

– А ещё они сражаются с быками, и много путешествуют, – продолжил её друг, – представь, как было бы здорово, если, когда вырасту, я стану, как он...

Хосе указал на Мигеля Родригеса:

– У меня была бы мулета и эсток, и все бы меня знали, и говорили, вот он, Хосе, самый сильный, смелый и богатый...

– А ещё у него есть жена, – вдохновенно продолжила девочка, – сеньорита Мария Мартинес, самая красивая девушка во всей Испании!

Мальчик подавился последним чуррос.

– Ты чего? – он удивлённо посмотрел на подругу, откашлявшись.

– А как иначе? У любого тореро должна быть любимая, которой он посвящает бои. Ты что, не знала? Без этого никак, – невозмутимо ответила Мария.

– Да? Тогда ладно, – согласился Хосе, скомкав пустой кулек от чуррос, потом чуть наклонился, опершись локтями на колени и подперев подбородок ладонями.

У скамьи, где сидели дети, суежилась целая стая голубей, деловито переступая с ноги на ногу в поисках последних кусочков чуррос. Один из них, самый крупный и увесистый, старательно расправляя грудку и взмахивая крыльями, ворковал перед голубкой. Хосе вдруг усмехнулся и вскочил, скинув куртку и хватая её одной рукой, словно мулету.

– Смотри!

Он подскочил к голубям и взмахнул рукой, словно исполняя лихой пасс матадора перед разъярённым быком. Куртка описала крутую дугу в воздухе, голуби всполошились и разлетелись под возмущенные девчачьи возгласы и звонкий мальчишеский смех.

Прошли годы, и Марии казалось, что судьба была в высшей степени благосклонна к её детской мечте, некогда туманной, но теперь всё более осязаемой. Она выросла настоящей красавицей – с изящными чертами, достойными кисти самого Диего Веласкеса, и тёмными глазами, как у лани.

После войны её отец, заводчик боевых быков, не только сохранил своё состояние, но даже приумножил его, ведь для Испании бой быков теперь был не просто ярким зрелищем, а предметом национальной гордости, практически сакральным символом.

Хосе, уже не шуплый мальчишка с тонкими руками и задорным смехом, а статный юноша, стал живым воплощением духа корриды. И Мария, смотря на него, испытывала уже не только девичий восторг, как раньше, а спокойную убеждённость: «Наши дети будут красивыми!» Однако, случилось непредвиденное, что никоим образом не вписывалось в планы сеньориты Мартинес. Донья Лаура.

В тот роковой день, когда она в сопровождении мужа появилась на Plaza de Toros, Мария испытала не только ревность, но и другое, совершенно непривычное для себя ощущение – уязвимость. И это отвратительное чувство закреплялось в её душе всё прочнее, как и осознание, что казавшийся безукоризненным план дал трещину. Хосе, с этой его новой, глупой и невыносимо счастливой улыбкой, почти не слушал Марию, даже если она заговаривала о корриде и быках. А потом вдруг перебивал её на полуслове, рассеянно бросая: «Да, хорошая была коррида... Донья Лаура тоже приходила...» И теперь, в преддверии Las Fallas, когда друзья дет-

ства, гуляя по городу, прошли мимо музыкантов, которые играли до боли знакомую валенсийскую песню о любви, Хосе, впервые в жизни, подпевал:

Ты моя голубка, ты моя голубка
Почему улетаешь?
Всех красавиц ты, о любовь моя,
Затмеваешь!

Мария, не выдержав, ткнула его локтем в бок – не больно, но резко:

– Хватит петь, Хосе! Серьёзно, у тебя совершенно нет слуха...

Хосе изобразил оскорблённое достоинство и ахнул – нарочито громко, дурачась, как в детстве. Он до конца не осознавал, что подругу раздражало вовсе не пение, а то, для кого на самом деле оно звучало.

В воскресенье, когда завершался фестиваль, а молодой тореро праздновал именины, Хосе и Мария встретились после праздничной мессы, посвящённой его святому покровителю.

– Поздравляю, – сеньорита с улыбкой вручила имениннику подарок.

Это был небольшой молитвенник в переплёте из бордовой кожи и искусным золотым тиснением, тонкие линии образовывали сложный растительный орнамент, напоминающий виноградные лозы. На развороте Хосе увидел гравюру с изображением святого, с младенцем Иисусом на руках. Тореро улыбнулся уголками губ, словно почувствовав на себе мягкий, спокойный взгляд своего небесного хранителя.

– Muchas gracias...²⁰Очень красиво.

– Что с тобой, Хосе? – спросила Мария, – ты всю мессу сидел, как в воду опущенный. Если бы сегодня провели конкурс самых грустных прихожан, ты бы точно выиграл.

– Ты правда хочешь знать?

Мария кивнула, и друзья детства отошли от церкви и сели на каменную скамью. Хосе достал из внутреннего кармана пиджака маленький медальон с ликом святого Иосифа и аккуратно сложенный лист бумаги.

– Это от сеньора Санчо Пансы и доньи Лауры, – промолвил он, протягивая Марии листок, позволяя прочитать.

Записка гласила:

“Дорогой сеньор Гонсалес,

Искренне поздравляем Вас с именинами. Пусть святой Иосиф направляет Вас и бережет каждый раз, когда Вы выходите на бой с быком. Наши самые тёплые пожелания и молитвы всегда будут с Вами.

²⁰ исп. Большое спасибо

Всегда Ваши

Санчо Панса дель Кампо и Лаура Гарсия Лопес”

- Очень мило с их стороны, – заметила Мария с лёгкой улыбкой.
- Да, с их... – повторил Хосе с тяжёлым вздохом.
- А ты на что рассчитывал? Они – муж и жена, – пожала плечами сеньорита Мартинес.
- Знаю, – ответил тореро, – всегда знал, но как будто только сейчас окончательно понял это. Донья Лаура замужем, а я... Я дурак.
- Хосе, – ласково произнесла Мария, – ты не дурак. Разве что совсем немного...

Сеньорита на мгновение отвернулась, скользя взглядом по пышно украшенной площади, и вдруг спросила:

- А помнишь, как мы в детстве носились по всей Валенсии, а потом сидели на скамейке, рядом, прямо как сейчас. Ели чуррос, болтали... Мы тогда увидели матадора, и ты мечтал, что станешь тореро.
- Да, – Хосе впервые улыбнулся, – и стал!
- А ещё, – Мария засмеялась и добавила, не то с шутливой беспечностью, не то с тихой серьезностью, – мы думали, что поженимся.
- Это ты решила, Мария.

Улыбка исчезла с лица тореро.

– А что в этом такого? – спокойно сказала Мария, – мы же росли вместе. И поверь, я понимаю тебя как никто другой... всегда понимала. Подумай сам: я узнала тебя не на арене, не в блеске корриды, а в тени навесов на ферме моего отца. Тогда ты был не новильеро, а просто сыном сапожника. Но я уже тогда увидела тебя – настоящего. И, если честно... я никогда не хотела большего.

Хосе поражённо выдохнул:

- Por Dios²¹... Мария, прости меня, я не мог себе представить. Не думал, что ты всё ещё помнишь: мы ведь были детьми.
- Но сейчас мы уже не дети, Хосе, – решительно промолвила Мария.
- Не дети, – подтвердил именинник, поднимаясь со скамьи, – но вполне можем позволить себе чуррос!

Мария засмеялась и не стала возражать. Они пошли вместе вдоль по улице и, казалось, всё встало на свои места. А вечером, когда в огне Las Fallas в очередной раз горели праздничные фигуры, и искры и клубы черного дыма поднимались ввысь, заслоняя звезды, Мария взяла Хосе за руку. Тот сжал её ладонь в ответ. Он много раз слышал – очищающее пламя Las Fallas разрушает всё былое, и из пепла рождается будущее, яркое и светлое, новое начало. Однако в этот миг, крепко сжимая руку подруги, словно цепляясь за единственное, что не давало окончательно утонуть в прошлом, он думал об медальоне и письме, что по-прежнему лежали во внутреннем кармане пиджака. “Очищающее пламя Las Fallas...” – повторял Хосе про себя, наблюдая, как над городом встаёт багровое зарево. Теперь он уже не был так уверен, что огонь действительно уносит всё без остатка.

²¹ исп. Боже!

Глава четвёртая,

в которой повествуется о том, как новильеро Хосе Гонсалес Торрес становится матадором, одержав победу во всех боях, кроме одного

Месяцы один за другим сменяли друг друга после фестиваля Las Fallas, когда сеньорита Мария Мартинес приблизилась к своей мечте, а Хосе Гонсалес – простился с собственной. Юный новильеро стал чаще бывать в доме сеньора Мануэля Мартинеса, отца подружки. Или суженой? Хосе не понимал, как теперь ему называть Марию, ни то, ни другое не звучало правильно. Поэтому каждый раз, появляясь в гостях, он держался сдержанно и даже скромно, что поначалу приятно удивило родителей Марии. Видите ли, мой любезный читатель, они имели вполне определённое представление о молодых, горделивых тореро, а у дон Мануэля это мнение было подтверждено многолетним опытом. Последний, никогда не выдававший Хосе, сыну сапожника из квартала Ruzafa, особой благосклонности, неожиданно стал проявлять к нему гораздо большее участие. Он провёл его по парадным комнатам своей усадьбы – тем самым, куда Хосе, ещё мальчиком, не имел доступа, ведь работал в загонах и подсобных помещениях. Угощал его вином многолетней выдержки, из винограда, произрастающего в верховье реки Турия.

– Там, в высокогорье, – рассказывал дон Мануэль, – виноград зреет медленнее, но именно это и помогает раскрыть удивительные грани вкуса вина – свежего, кристально чистого, как воздух в горах...

– Sí, сеньор Мартинес, – отвечал Хосе, медленно покачивая бокал, следя за игрой бордовых бликов, – Я верю вам на слово, мне не доводилось бывать в высокогорье...

Дон Мануэль вздыхал, откидываясь на спинку кресла. Юноша был безупречно вежлив и учтив, но эта безукоризненность, как ни странно, ничуть не облегчала разговор. Сеньор Мартинес переводил взгляд на дочь, а та улыбалась ему так счастливо, с такой трогательной доверчивостью, что сердце отца невольно сжималось. И он в очередной раз находил повод для продолжения беседы.

Мать Марии, сеньора Кастро, тоже говорила с молодым тореро, спокойно и мягко, но несколько настороженно. Однако, в его присутствии гораздо чаще она просто наблюдала за его взглядом: Хосе смотрел на носки собственных туфель, на золотистые отблески заката, рассыпающиеся в пурпурном небе, когда они ужинали на террасе усадьбы, на белые барашки волн Средиземного моря во время прогулок по побережью – и лишь изредка поднимал глаза на Марию. Когда разговор касался их детства, его улыбка становилась искренней, голос теплел, он весело смеялся и несколько раз порывисто сжимал ладонь её дочери. Сеньора Кастро тоже не могла сдержать улыбку, видя взаимную радость Марии и Хосе, но в глубине души понимала: её девочка влюблена, а тореро – лишь лелеял воспоминания о беззаботных, золотых детских годах...

Вскоре Хосе понял, что подобная благосклонность тяготит его, хоть он множество раз пытался убедить себя, что не имеет права на такое чувство. Тем не менее, он всё чаще находил повод вежливо отказаться от общества Марии и её семьи, проводя всё больше времени на Plaza de Toros и предаваясь упорным тренировкам. Молодой тореро не мог забыть тот памятный

разговор между ним и его наставником, доном Мигелем Родригесом, и прекрасно осознавал – у него больше нет права на ошибку.

Его упорство быстро принесло плоды. Хосе Гонсалес Торрес, оставаясь новильеро, всё чаще являл мастерство зрелого, неустрашимого матадора. Казалось, что иллюстрации в учебном пособии о технике и пассах корриды, которое штудировали молодые тореро под сводами Plaza de Toros, писали именно с него. Зрители, что так восхищались безупречной точностью движений, не могли представить, что за пределами арены их любимец сражается в битве куда более суровой, чем поединок с быком. Ведь, мой любезный читатель, укротить зверя оказалось куда проще, чем совладать с собственным сердцем.

Как и прежде, донья Лаура в сопровождении супруга иногда появлялась на осмотре быков. Однако теперь Хосе Гонсалес держался на почтительном расстоянии от неё, ограничивался лишь лёгким кивком, а после заводил беседу с другими новильеро или отправлялся завершить последние приготовления к выходу, не дожидаясь напоминания своего наставника. Дон Мигель, первое время сохраняя верность старой привычке, краем глаза наблюдал за учеником, но вскоре, убедившись в его сознательности, оставил эти, теперь излишние меры предосторожности. Maestro со спокойной гордостью и чувством выполненного долга наблюдал за тем, как всё ярче сияла звезда его подопечного.

И в этот момент, когда уверенность в нерушимости и правильности всего происходящего вокруг наполняла всё его существо, он, опытный тореро, забыл основную истину: коррида держится не на правилах, а на хрупком равновесии между человеческой волей и природой, ей неподвластной. Ритуал задаёт ей форму, мастерство придаёт ритм, но всё это – лишь тонкая грань, отделяющая матадора от стихии: безудержной, как сердце зверя, и неуправляемой, как сам первозданный хаос.

Одним июньским вечером дону Мигелю Родригесу Кортесу предстояло выйти против свирепого быка по имени Мститель. Матадор бросил на зверя короткий взгляд, в котором не было ни тени сомнения – характер быка, его манера движения были ему понятны. И вот, животная ярость схлестнулась с отточенным многими годами искусством боя. Однако, в эту битву вступила ещё одна сила – словно сама земля вдруг бросила вызов гордому тореро. В самый разгар схватки дон Мигель сделал стремительный выпад, взмахивая мулетой перед уже раненым, разъярённым до предела быком. Как вдруг тореро почувствовал, как ступня застряла в рыхлом песке арены, а корпус резко рванулся в сторону. Жгучая боль пронзила голень, всё словно разорвалось внутри, и шум арены: возгласы публики, окрики других тореро, рёв быка, стал размытым, глухим и туманным. Матадор сжал зубы, еле удерживаясь на ногах, сжал эсток в ладони и нанёс вновь набросившемуся на него зверю последний удар, и бык рухнул замертво.

Публика ликовала, но дон Мигель почти не слышал этого – боль отозвалась в нём глухо и глубоко, словно затопила все чувства. По другую сторону барьера его товарищи уже склонились вперёд, готовые в любую секунду перемахнуть через ограду. Но матадор упрямо, гордо шагал вперёд, не позволяя себе ни дрогнуть, ни споткнуться, одним лишь взглядом останавливая любую попытку приблизиться. Только не здесь. Не сейчас.

У выхода на арену, в тени свода, дон Мигеля в напряжении ждали двое: его ученик, Хосе Гонсалес Торрес, и ветеринар Санчо Панса дель Кампо, который, вопреки обыкновению, остался до конца корриды – бык не внушал ему доверия. Именно они первыми встретили матадора, когда тот, исчерпав все силы, наконец позволил себе принять помощь: облокотился на

их плечи, с трудом удерживая равновесие, пока его не усадили на ближайшую скамью. В этот миг дон Мигель смутно разглядел приближающийся женский силуэт, и только когда сеньора опустилась перед скамьёй, он узнал донью Лауру. Следом пришёл пронзительный холод на повреждённую голень – и, как ни странно, запах рыбы.

– Тишиишш... – прошептала сеньора, – это немного уменьшит боль... Хорошо, что в соседней рыбной лавке всегда есть лёд!

– Умница, *mi amor*, – улыбнулся Санчо.

Он не давал себе отчёта в том, что один молодой тореро в ту же секунду изо всех сил пытался отогнать ту же самую мысль.

– Боюсь, травма серьёзная, – продолжил Санчо, – нужно немедленно доставить сеньора Родригеса в госпиталь...

Пока врачи были в пути, Хосе оставался подле своего наставника. Тот, заметив его безмолвное, но преданное участие, усмехнулся:

– Ладно тебе, *muchacho*, я же не фарфоровый!

Хосе не мог сдержать улыбку, вновь услышав знакомые веселые нотки в голосе *maestro*.

– И всё же, бой был красивым, вы победили...

– *Sí, claro*, – фыркнул дон Мигель, – победил быка, а проиграл песку...

Оба засмеялись – беспечно, словно сидели за чашкой кофе в старом кафе на *Calle de la Paz*²² и вспоминали былые времена, а не ждали скорой помощи в тени каменного свода *Plaza de Toros*.

– Скоро ты станешь матадором, Хосе, – промолвил дон Мигель, сжав плечо новильеро, – позволь мне дать тебе последний урок, который я сам усвоил лишь сегодня. Коррида – это не просто бой с быком. Это встреча с самой природой. И победить в ней может не тот, кто сильнее, а тот, кто слышит её, не теряясь в собственных чувствах. Не давай им взять над тобой верх, но не подавляй их – просто будь. Этого вполне достаточно.

Хосе молча кивнул и сжал плечо наставника в ответ:

– Хотя нет, – спешно добавил дон Мигель, заметив прибытие врачей, – это был не последний урок. Вот он: прошу тебя, не повторяй моих ошибок, *muchacho*, смотри под ноги, здоровее будешь!

И потом, уже лёжа на носилках, дон Мигель серьёзно посмотрел в глаза подопечного и добавил:

– И очень скоро, когда моя нога заживёт, мы вновь встретимся здесь, на *Plaza de Toros*. Но не как мастер и ученик, а как равные.

– Я буду ждать этого, *maestro*...

²² исп. улица Мира, одна из главных улиц Валенсии

Хосе хотелось бы сказать так много, но слова предательски застряли в горле. К тому же, сейчас они казались совершенно лишними. Дон Мигель помахал ему рукой: почти дерзко, с совершенно неподобающим ситуации весельем – новильеро ответил тем же, чувствуя, как лицо сводит от смеха: абсолютно непрощенного, но полного искренней веры в счастливый исход, что всё образуется и станет, как раньше.

Однако, всему, что было раньше, не было суждено вернуться. После травмы Мигеля Родригеса уверенность устроителей коррида, прочих тореро и публики росла: держать Хосе в статусе новильеро стало просто нелепо. Принятие Хосе Гонсалесом Торресом Альтернативы, его становление истинным матадором было назначено на июль, когда город, несмотря на удушающий зной середины лета, оживал в преддверии FERIA de Julio²³. Валенсия наполнялась ароматами живых цветов, которые ловкие руки сплетали в изящные орнаменты, обрамленные ветвями оливковых деревьев. На фоне фасадов старинных домов эти украшения напоминали древние гобелены.

За несколько дней до начала грандиозного летнего праздника город погружался в сосредоточенную и торжественную подготовку, но не замирал, а словно собирался с духом. И жил в собственном, удивительном ритме, где привычные хлопоты соединялись с трепетом ожидания. Донья Лаура сидела во внутреннем дворике их с Санчо дома с цветочной гирляндой на коленях. С вдумчивой нежностью она сплетала серебристо-зелёные оливковые ветви, а в переплетения вставляла бархатцы глубокого шафранового оттенка и нежно-розовые гвоздики. Композицию разбавляли петунии, почти невесомые, словно из белого шёлка, и жасмин – любимый цветок матери доньи Лауры, сеньоры Летисии Лопес Эррера. Подле неё сидел маленький Санчито, и со всей серьёзностью, на которую способен четырехлетний muchacho, нахмурившись и высунув язычок, вставлял в гирлянду веточку мирта. Отец семейства, ветеринар Санчо Панса дель Кампо, вешал гирлянды на окна их дома, а малыш Карлос, которому совсем недавно исполнилось два года, вертелся рядом, подпрыгивая от переполняющей его энергии, и весело приговаривал: “¡Más arriba, papá! ¡Más, más!”²⁴

В доме сеньора Мануэля Мартинеса тоже всю шла подготовка, но масштаба более грандиозного, нежели в доме доньи Лауры. Каждый год его семья участвовала в Batalla de Flores, Битве цветов. Если вы, любезный читатель, никогда не были этому свидетелем, прошу поверить автору на слово – это зрелище поистине выдающееся. Всё начинается с пышного парада. По бульвару Аламеда чинно движутся запряжённые лошадьми повозки, на которых установлены деревянные платформы. Эти платформы буквально утопают в живых цветах и гирляндах, но настоящим их украшением, несомненно, становятся прекрасные валенсийские сеньориты. Девушки сидят с царственным достоинством, золотые гребни в их сложных причёсках, шелк и парча традиционных платьев: багряных, изумрудных, лазурных, поблёскивают в свете летнего солнца. Завершается же парад жаркой битвой: толпа с воодушевлением забрасывает платформы гвоздиками и маргаритками. Сеньориты смеются, прикрываются веерами, уворачиваются и в ответ с ловкостью бросают цветы обратно в публику.

Смею надеяться, мой терпеливый читатель простит это отступление, которое автор позволил себе исключительно для того, чтобы показать, насколько этот праздник был важен для сеньориты Марии Мартинес, которая по традиции занимала центральное место на их семей-

²³ исп. Июльская ярмарка, валенсийский летний фестиваль

²⁴ исп. Выше, папа! Ещё, ещё!

ной платформе. Она не могла оставаться в стороне от подготовки и была рядом, когда во дворе усадьбы ремесленники сооружали каркас, который после богато украшался. Мария, держа в руках охапку живых цветов, неторопливо обходила стройку. Рядом с платформой стоял Хосе Гонсалес Торрес. Его появление в доме Мартинесов стало редкостью, особенно в последнее время – большую часть дней он проводил на Plaza de Toros, где, в преддверии своей Альтернативы, почти поселился. И всё же, сегодня он не мог не прийти. Отказываться и дальше от приглашений семьи Марии становилось попросту неприлично.

– Мне кажется, – рассуждала сеньорита Мартинес, – эти цветы сюда не подходят. Здесь лучше бархатцы или гвоздики... – она на секунду замерла, а потом обернулась к тореро, – Хосе, что лучше, бархатцы или гвоздики?

– Sí...

Подобный ответ не мог удовлетворить Марию, для которой выбор цветов был священным ритуалом, что не терпит небрежности.

– Что sí? Ты даже не слушаешь!

– Прости, Мария, я задумался, – ответил Хосе, – Альтернатива всё не выходит из головы, подумать только, она уже в субботу!

– Ах да... – вздохнула сеньорита, – не извиняйся, я понимаю, как это важно для тебя, но я знаю, всё будет хорошо.

Мария озорно улыбнулась и подошла ближе к будущему матадору.

– И ты будешь безупречен, – она подхватила бутон ярко-красной гвоздики и ловко вставила его Хосе за ухо.

Тот весело фыркнул, вытянул цветок и ответил.

– Нет, безупречна будешь ты, на цветочной платформе в Batalla de Flores, – сказал он, мягко вставляя тот же цветок за её ухо.

Мария не ответила – просто смотрела на него, тронутая этим жестом и безнадежно счастливая. А Хосе смотрел в ответ – с той самой искренней теплотой, что была в его взгляде до того судьбоносного фестиваля Las Fallas, до начала его редких, сдержанных визитов в усадьбу дона Мануэля. С той теплотой, по которой Мария ужасно тосковала.

– ¡Vale! ²⁵Мне правда пора, надо тренироваться, – Хосе отвесил легкий поклон Марии и поцеловал её руку, – ¡Adiós!²⁶

– ¡Adiós! – тихо ответила Мария, смотря вслед Хосе, который вежливо попрощался с её родителями и покинул усадьбу.

Учитель Хосе, дон Мигель Родригес, постепенно восстанавливался после травмы. Он всё ещё слегка прихрамывал, но, несмотря на это, настоял, чтобы именно он станет padrino²⁷ будущего матадора и, согласно традиции, передаст ему эсток и мулету.

²⁵ исп. ладно, хорошо

²⁶ исп. До свидания!

²⁷ дословно "крёстный отец", здесь - наставник, покровитель, который сопровождает молодого матадора во время приня-

– Maestro, а ваша нога? – осторожно поинтересовался Хосе.

Он не мог представить себе в качестве своего padrino никого, кроме Мигеля Родригеса Кортеса, наставника и друга, но не мог не беспокоиться о его состоянии.

– Ерунда, – отмахнулся дон Мигель, – помнишь историю матадора El Tato? Он вообще ногу потерял и вышел на арену с протезом. К тому же, Хосе, за себя мне незачем беспокоиться. Ты ведь убьёшь быка, правда?

Два тореро весело засмеялись, на миг забыв о волнении, которое переполняло их обоих.

В день Альтернативы на трибунах не осталось ни единого свободного дюйма. Корриды во время FERIA de Julio были для валенсийцев явлением столь же обязательным и естественным, как смена дня и ночи, и кроме того, никто из уважающих себя горожан не хотел упустить момент, когда Хосе Гонсалес Торрес получит гордое, без всякого сомнения заслуженное им звание – matador de toros.

Наконец, на арене в сопровождении padrino и свидетеля, ещё одного опытного тореро, появился виновник торжества, облаченный в traje de luces, уже не с серебряной, как у нови-

льеро, а с золотой вышивкой. Над трибунами разнесся гул одобрения и гром аплодисментов. Мария Мартинес из почётной ложи смотрела на Хосе, и в её взгляде читались волнение, восторг и предвкушение. Однако, предвкушала она вовсе не бой с быком, а нечто совершенно иное, с чем мы, если позволит любезный читатель, оставим сеньориту наедине.

В первом ряду сидели родители новильеро, сеньора Хуанита Торрес Альварес и дон Рамон Гонсалес Морено, и его брат, Эстебан, который смотрел на старшего со смесью неподдельной гордости и лёгкой, едва заметной зависти.

Наставник будущего матадора с должной торжественностью сделал шаг навстречу Хосе, исполняя положенный ритуал. Он передал юному тореро эсток и мулету:

– Во имя публики, власти и нашей традиции передаю тебе орудия боя. Пусть Бог дарует тебе удачу! – а потом добавил, еле слышно, – вперёд, *muchacho*...

– Я не подведу, *maestro*... – ответил Хосе, принимая эсток и мулету, – этот бой я посвящаю вам!

Дон Мигель лишь коротко кивнул, но если бы вы, любезный читатель, могли видеть его в тот момент, то заметили бы подозрительный блеск в его глазах. Он вспоминал того тринадцатилетнего мальчишку, смешного, долговязого, худого, при виде которого мало кто мог бы себе представить, сколько внутренней силы и решимости кроется в этом щуплом ребенке. Мальчик пришел на Plaza de Toros в сопровождении отца. Опытные матадоры отказывались даже разговаривать с ним, пытались выпроводить прочь, ведь ему, как казалось, не было места на арене. Но он не ушёл, остался стоять под суровыми взглядами тореро. И тогда дон Мигель попросил его повторить за ним несколько пассов – и мальчик выполнил это с таким талантом, с таким природным чутьём и грацией, что он, сам ещё молодой матадор, взял парнишку под своё крыло.

Да, мой любезный читатель, Хосе не ушёл тогда – и теперь он шагал по арене не как незванный, но настойчивый гость, а как герой, хозяин собственной судьбы.

Зрители в ликовании вскочили со своих мест, их голоса слились в едином крике “¡Olé!”, полном эйфории и самозабвенной радости. Мать новоиспечённого матадора плакала, опершись щекой на плечо мужа, а младший брат, резво, словно совсем ещё маленький *muchacho*, скакал на месте, размахивая руками и скандируя имя: “Хосе! Хосе!”. Его крик подхватили и остальные зрители, в том числе и в почётной ложе, где сидела сияющая от гордости Мария. Остальные тореро искренне радовались за Хосе и восхищались красивым боем, но никто из них не мог радоваться и восхищаться больше, чем дон Мигель Родригес Кортес.

Сам виновник торжества был так окрылён радостью, что, возможно, и забыл бы, как его зовут, если бы не повторяющие его имя голоса публики. Хосе Гонсалес Торрес, теперь полноправный матадор, воинственно вскинул руку. Он бросил взгляд на трибуны, и сердце его вдруг пропустило удар – донья Лаура тоже была там, среди зрителей, вместе с супругом. Улыбка тореро не исчезла, но в его глазах на миг вспыхнула едва уловимая, щемящая грусть, тоска по мечте, прекрасной, запретной и невозможной. И в это мгновение, тореро, вышедший из схватки победителем, вдруг почувствовал себя проигравшим.

Однако, мой терпеливый читатель, не спешите думать, что бой завершился там, на Plaza de Toros, и следующая глава прольёт свет на его продолжение.

Глава пятая,

в которой повествуется о том, как матадор Хосе Гонсалес Торрес порывает с прошлым и едва не лишается будущего

Последние дни FERIA de Julio всегда бывали столь насыщены событиями, что ими с лихвой можно было бы наполнить целый месяц. Не успели валенсийцы перевести дух после грандиозной корриды и принятия Хосе Гонсалесом Торресом Альтернативы, как наступило воскресенье – и город утонул в разноцветных бутонах георгинов, гвоздик и бархатцев. Но не было цветов, способных затмить валенсийских девушек на пышно украшенных платформах, и ярче всех сияла сеньорита Мария Мартинес Кастро.

Облачённая в платье из красной парчи с тонким золотым орнаментом, с блестящим гребнем в волосах, она знала: взгляды толпы прикованы к ней. Мария улыбалась и с лёгкой грацией, исполненной царственного достоинства, махала рукой. А когда на платформы обрушивался цветочный вихрь, она смеялась почти по-детски, пряча лицо за веером, прежде чем бросить цветы в ответ. И даже тогда, в этой стремительной круговерти, она чувствовала: все смотрят только на неё. Все, кроме одного единственного кабальеро, агатово-чёрного взгляда которого она так и не смогла найти в толпе.

Этот кабальеро тем временем лежал в собственной постели, забывшись тяжёлым сном. Руки его были раскинуты, словно даже в мире грёз он выполнял пасс перед грозным быком на арене. Лёгкое покрывало сбилось и сиротливо лежало на полу. Рот слегка приоткрыт, словно вот-вот из уст вырвется возглас, или зов, или, быть может мольба... Мольба о том, чтобы забвение продлилось ещё хоть немного. Солнечный свет упрямо пробивался через ставни в полутемную, душную комнату, с улицы раздавался гомон толпы, гром духового оркестра и залпы хлопушек, в жарком мареве сливались ароматы георгинов, жасмина, гвоздик. А во сне была лишь тишина... Тишина и её ореховые глаза.

“Хосе...” – шелестел в дымке сна любимый голос, и новоиспечённый матадор улыбнулся. Как вдруг нежное, словно переливы мандолины, звучание раскололось, превращаясь в резкую, режущую слух дробь: “Хо-Се-Ли-То!!!”

Молодой тореро распахнул глаза и увидел перед собой лицо младшего брата, Эстебана. Нависая над вырванным из мира грёз Хосе, он сидел на краю кровати, забавно поджав под себя одну ногу, а вторую свесив на пол. Эстебан всё ещё не мог привыкнуть к собственному росту. Тем не менее Эстебан ужасно гордился, что в свои четырнадцать лет стремительно догонял старшего, и пользовался любым поводом об этом напомнить: он мог подойти с хитрой улыбкой и боднуть его лбом в подбородок или вальяжно водрузить локоть ему на плечо.

– Эс-Те-Бан! – вторил Хосе брату, пытаясь отпихнуть его, – если ты сейчас же не уйдешь, я назову следующего быка в твою честь!

– Хосе... – раздался полный волнения голос матери.

Матадор сел на кровати и повернулся к ней – сеньора Хуанита Торрес Альварес стояла чуть поодаль, с беспокойством смотря на старшего сына.

– О, mamá... Buenos días...²⁸ – голос Хосе тут же переменялся, став более ласковым.

– Нет, сынок, уже buenas noches, – ответила сеньора, – ты проспал целый день, солнце уже садится. А ты приглашен на приём к сеньору Мануэля Мартинеса, забыл?

– Por Dios...

Хосе резко развернулся к стоящему у изголовья стулу, и в ворохе небрежно сброшенной на него одежды отыскал уже слегка смятый лист бумаги. Перечитал:

"Уважаемый сеньор Гонсалес,

Примите мои искренние поздравления с принятием Альтернативы. Все учредители и покровители Plaza de Toros de Valencia единогласно признали Ваш дебют в качестве матадора безупречным и выразили желание видеть Вас на приёме на моей вилле в Мальваросе. Я распорядился прислать за Вами автомобиль – он будет ждать Вас у вашего дома ровно в девять вечера.

*Будем рады Вашему визиту,
Мануэль Мартинес"*

– За тобой уже приехали, – сказала сеньора Хуанита, – дон Мигель Родригес тоже едет, он ждёт тебя в прихожей. Одевайся, Хосе, я уже отгладила твой костюм!

– Там такая машина! – воскликнул Эстебан, – Hispano Suiza! Не автомобиль, а настоящее сокровище... Вот бы прокатиться на такой! – мечтательно протянул он.

А потом добавил, уловив настроение брата:

– Если ты не хочешь, я могу надеть твой костюм и пойти вместо тебя, клянусь, никто не заметит разницы!

– Все заметят только костюм, – покачала головой сеньора Хуанита, – а ты сам, cariño²⁹, в нём потеряешься...

Эстебан фыркнул, скрестив руки на груди и с ревностью взглянул на старшего брата, и с напускной торжественностью произнёс.

– Удачи тебе, Хоселито. Вилла у сеньора Мартинеса, говорят, огромная. Смотри – сам не потеряйся!

Он покинул комнату, не подозревая, насколько пророческими окажутся его слова. И дело заключалось, как вы, мой любезный читатель, понимаете, далеко не в планировке грандиозного особняка Мартинесов.

Одевшись, Хосе вышел в прихожую, где его ждали дон Мигель Родригес Кортес, которого позвали на приём как padrino новоиспечённого матадора, и его отец, развлекавший гостя лёгкой беседой во время ожидания. Рядом с домом сапожника стоял роскошный бордовый автомобиль, гордо поблёскивающий в лучах вечернего солнца.

²⁸ исп. Доброе утро

²⁹ исп. дорогой, милый

– Похож на быка, – тихо прокомментировал дон Мигель, обращаясь к Хосе, – только из железа. И мулета с эстekom ему хоть бы что...

Машина с Хосе и доном Мигелем, расположившимися на заднем сидении, с глухим роко-том тронулась с места. Шофёр выбрал маршрут, пролегающий насколько это возможно далеко от центральных улиц, где вовсю бурлил праздник. Однако, казалось, дух *Feria de Julio* преследовал их с выдающимся упорством, куда бы они ни направились. Окна автомобиля были открыты, впуская в салон лёгкий ветерок, а тореро смотрели каждый в свою сторону, периодически слегка высывая головы – не только ради спасения от духоты, но из почти детского любопытства, охватившего обоих. Знакомые городские улицы открывались им по-новому – из глубины салона, сквозь обрамлённые металлом проёмы.

Вокруг весело блестели гирлянды, и, словно праздничные фонарики, сияли глаза горожан. Вся Валенсия дышала ликованием, праздник наполнял каждый дом, каждая улочка утопала в ароматах жареного миндаля, чуррос и жасмина. Это благоухание причудливо соединялось с терпким запахом дыма от хлопушек и петард. Некоторые, особо внимательные несмотря на шумную суету прохожие узнавали тореро, которые ехали в роскошном *Hispano Suiza*, махали руками и выкрикивали: “¡Olé!”, а матадоры, смеясь, махали в ответ.

Затем машина плавно повернула к Аламеде – здесь всё казалось тише, огни фонарей бросали спокойные отсветы на матовую, серо-зеленую гладь реки Турии, которая, мой любезный читатель, тогда ещё текла в своем прежнем русле. Затем они свернули на проспект Бласко Ибаньеса – атмосфера *Feria de Julio* царил и здесь, в университетском квартале, где дух академии теперь сливался воедино с торжеством праздника. Нарядные студенты беспечно фланировали по проспекту: юные, полные радостных надежд и веры в будущее.

Санчо Панса дель Кампо, который жил неподалёку от проспекта Бласко Ибаньеса, глядя на них, узнавал самого себя. Он был таким же когда-то, и теперь ветеринару казалось, будто с тех пор прошла целая вечность. Война давно закончилась, оставив после себя Испанию, едва ли напоминавшую ту, что он помнил. Санчо женился на Лауре Гарсия Лопес, у них родились Санчито и Карлос. И всё же каждый раз, когда он, прощаясь с супругой, покидал их дом на улице доктора Мануэля Канделы и выходил на широкий проспект, по которому когда-то сам бродил в студенческие годы, он чувствовал, как ногу неожиданно сводит боль. Спустя столько лет старая рана упрямо напоминала о себе.

Донья Лаура же, когда выходила на проспект, не могла не вспоминать своего отца, Леандро Гарсию Руиса. Он был профессором медицины в университете Валенсии, и жил преподаванием и научными изысканиями. Санчо Панса дель Кампо был одним из его студентов. Узнав о любви между ним и собственной дочерью, профессор с пристрастием задавал ему самые сложные вопросы, однако на своё счастье, Санчо, хоть и был тихим на занятиях, никогда не приходил неподготовленным, и сеньор Гарсия Руис заметил в нем и рвение, и выдающиеся способности, и истинно научный склад ума. А впоследствии обнаружилось, что их объединяет ещё и приверженность Второй Республике, вера в свободное, справедливое государство.

Этот выбор стал для обоих роковым. Санчо он стоил карьеры, а его тестю – смысла жизни, а потом и самой жизни. После окончания Гражданской войны Леандро Гарсии Руису было позволено вернуться в университет, но в один из дней, когда он, как обычно, явился перед началом лекции, в аудиторию вошёл молодой секретарь факультета, совсем недавно получив-

ший эту должность. Он, смущённо, будто с чувством вины опуская глаза, передал профессору письменное распоряжение: с этого дня он больше не имеет права преподавать. Без объяснений, без суда он был вычеркнут из университетской жизни, отстранен от науки. Едва заметно дрожащими руками профессор собрал в портфель бумаги и книги и покинул аудиторию, провожаемый взглядами поражённых студентов.

После этого он не прожил и года. Страшный недуг поселился в нём и с пугающей неумолимостью набирал силу. И профессор, и его студент, который недавно стал ему ещё и зятем, знали, что происходит. И оба осознавали, что дни Леандро Гарсии Руиса сочтены. Донья Лаура, тогда беременная первенцем, проводила много времени с отцом, пытаясь поддерживать в нём едва теплящуюся жизнь. Через его бывших студентов доставала для него книги из университетской библиотеки, помогала приводить в порядок научные записи, переписывала на чистовик его старые статьи, бережно разбирая каждую строчку. Леандро Гарсия Руис был искренне благодарен дочери, но всё равно медленно угасал – и умер вскоре после рождения внука.

Слёзы наворачивались на глаза сеньоры каждый раз, когда она вспоминала отца – человека, которому новое время уготовило медленную, мучительную смерть. Но стоило им подступить, она делала так, как он когда-то научил её: закрывала глаза, глубоко вдыхала воздух на проспекте Бласко Ибаньеса. В нём, если быть очень внимательной, как говорил профессор, по-прежнему можно было уловить свежий, солоноватый запах моря. Так поступила донья Лаура и сейчас, когда они с Санчо, в запряжённой молодой, резвой лошадкой повозке, направлялись к дому сеньора Мануэля Мартинеса. Тот пригласил их на вечер, желая отблагодарить ветеринара за долгие годы верной службы на Plaza de Toros.

Терция пик

Бордовый Hispano Suiza припарковался у виллы сеньора Мануэля Мартинеса – среди других автомобилей, ничуть не уступавших ему в роскоши. Казалось, они вели между собой немую дуэль – сверкая фарами, поблёскивая отполированными капотами и состязаясь, кто затмит прочих в этом безмолвном балу тщеславия.

Сама вилла утопала в зелени стройных кипарисов, оливковых деревьев, пальм и, конечно же, апельсиновых деревьев – гордости Валенсии. Терракотово-жёлтый фасад венчала изящная башенка, придавая дому сходство с прибрежным маяком. Однако предназначение этого маяка было иным – не указывать путь заблудшим странникам, а ослеплять собственным светом.

Вскоре навстречу Хосе и дону Мигелю вышли хозяева дома.

– Сеньор Гонсалес, сеньор Родригес, добро пожаловать, очень рад встрече – радушно поприветствовал дон Мануэль Мартинес, – все мои гости с нетерпением ждали вашего прибытия.

– Это честь для нас, – с лёгким поклоном ответил дон Мигель.

– Сеньор Родригес, примите мои искренние поздравления с блестящим успехом вашего подопечного, – улыбнулась сеньора Кастро, – позвольте мне проводить вас к столу. Присядьте лучше, к чему напрягать ногу понапрасну.

Когда сеньора Кастро и дон Мигель удалились, сеньорита Мартинес с улыбкой подошла к Хосе и взяла его под руку:

– Пойдем, я представлю тебя гостям, они так ждали тебя!

Матадор с сожалением посмотрел в сторону удаляющегося наставника и только после этого коротко кивнул Марии. Та подвела его к группе гостей – важных сеньоров в безупречных фраках и дам в пышных платьях и дорогих украшениях, блестящих в свете ламп из муранского стекла. Когда Хосе и Мария приблизились, их беседа, на идеальном кастильском, мгновенно затихла. Взгляды, оценивающие, серьёзные, с едва заметной снисходительностью смерили молодого тореро. Кто-то улыбнулся, кто-то приподнял бровь:

– А вот и он! Восходящая звезда корриды, – воскликнул один из сеньоров, поправив пенсне, – поздравляю, от души поздравляю с таким грандиозным дебютом...

– Молва о вас не лгала, – добавила сеньора, видимо, его супруга, – какие благородные черты, какая стать. Нечасто мне доводится наблюдать такое среди молодых людей... вашего круга.

– Всё это – не моя заслуга, – ответил Хосе, – этим я обязан родителям. А тем, чем я могу гордиться как тореро, я обязан моему padrino, сеньору Родригесу, который тренировал меня с детских лет...

– Ах да, дон Мигель Родригес, – продолжил другой кабальеро, – он всегда обладал исключительной наблюдательностью. Подумать только – разглядел такую жемчужину среди ила...

Хосе вспыхнул, прекрасно поняв намёк, и собрался было ответить, но Мария крепче сжала его руку, останавливая. Другой сеньор, заметив напряжение, поспешил сменить тему на другую, которая, как он искренне полагал, придется и тореро, и остальным гостям по душе:

– И всё же, при всем уважении, не только дон Мигель обладает такой наблюдательностью. В этом ему совершенно точно не уступает сеньорита Мартинес. Судьба к вам определенно благосклонна, сеньор Гонсалес...

Он многозначительно посмотрел в сторону Марии, которая опустила глаза, но не смогла скрыть торжествующую улыбку.

– Мы с сеньоритой Мартинес с детства дружим, – ответил Хосе, – времени на наблюдение у нас обоих было достаточно.

Мария ещё крепче, чем в первый раз, вцепилась в руку Хосе.

– Однако, сеньор, – продолжил Хосе, не показав никакой реакции на жест подруги детства, – коррида научила меня одной простой истине: быка можно понять, его поведение – предугадать, но судьбу никогда. Она подобна стихии и благосклонна она лишь к тем, кто не боится её встретить...

Ещё одна сеньора восхищённо взмахнула веером, украшенным страусиными перьями:

– Как ясно вы изъясняетесь, сеньор Гонсалес, с вами так приятно беседовать! По правде говоря, я большую часть времени провожу в Мадриде и каждый раз, когда мне доводится покидать столицу и бывать в других уголках Испании, я всегда тревожусь, что не смогу понять местную речь...

– А мне, сеньора, в свою очередь лестно, что вас восхищает моё умение говорить на родном языке, – ответил Хосе, глядя в глаза собеседнице.

Дама в очередной раз взмахнула веером и, как будто ничего не произошло, обернулась к Марии и заговорила с ней мягким, как бархат, голосом. Compliments перетекали один в другой, словно вино из хрустального графина – ровно, неспешно, с мягким переливом.

Мария же с улыбкой отвечала и вела беседу с таким безукоризненным изяществом и отточенностью, что Хосе почувствовал, как в душе зреет раздражение и лёгкая досада: он с трудом узнавал в этой манерной сеньорите, всё ещё державшей его под руку, ту девочку, с которой они вместе росли.

На длинных столах, покрытых белоснежными скатертями, были поданы многочисленные закуски: на серебряном блюде тонкой стружкой лежал иберийский хамон, рядом – ломтики сыра манчего с конфитюром из апельсинов, созревших под валенсийским солнцем, креветки в чесноке, анчоусы в уксусе, мидии и яйца, фаршированные тунцом и майонезом. В хрустальных бокалах, переливаясь бордовыми бликами, ждало своего часа красное вино, а в стеклянных, более высоких и тонких, пенилось игристое.

Все гости с удовольствием пробовали изысканные угощения, некоторые, из числа аристократов, однако, позволяли себе иронично отметить, что дон Мануэль Мартинес даже сардины подаёт с исключительной помпезностью.

Мария склонилась над серебристой раковиной устрицы и изящно поднесла её к губам, при этом не сводя взгляда с Хосе. Тот, проигнорировав роскошные яства, взял ломоть белого хлеба и положил на него хамон. Мария чуть наклонила голову в сторону, взглядом обозначая более утончённые деликатесы. Тореро, едва скрывая раздражение, пожал плечами и откусил.

Потом гости начали разбиваться на пары для предстоящих танцев. Мария снова взглянула на Хосе – тот не подавал ни малейших признаков интереса к происходящему, медленно доедал хлеб с хамоном, пока к нему не подошёл один из гостей, молодой кабальеро, сын одного из покровителей Plaza de Toros.

– Сеньор Гонсалес, разрешите пригласить прекрасную сеньориту Мартинес на первый танец?

– Отчего нет... – сухо бросил Хосе, искренне считая такую вежливость излишней.

Мария склонилась в легком реверансе и подала молодому человеку руку.

– Сеньор Гонсалес, – с добродушной улыбкой промолвил кабальеро, уходя, – не переживайте, что вы не умеете танцевать сегодняшние танцы. Вы быстро научитесь...

Хосе не ответил. На самом деле, большинство танцев ему были хорошо известны. Когда им было примерно по шестнадцать лет, Мария вдруг взялась его обучать, объясняя это тем, что известных тореро часто приглашают на светские рауты, а она не хочет, чтобы Хосе на них опозорился.

Однако, мой любезный читатель, вы, конечно же, и сами понимаете: сеньорита Мартинес готовила Хосе не только к раутам – она втайне готовила его к их собственной свадьбе, событию, которое ей тогда казалось чем-то само собой разумеющимся.

Терция бандериллий

Теперь, пока Мария блистала в центре зала, Хосе держался в стороне, ровными и глубокими глотками пил красное вино и слушал одного пожилого сеньора, который вёл разговор в полной уверенности в своих познаниях о корриде, что на деле вовсе не отличались ни глубиной, ни точностью:

– А потом, сеньор Гонсалес, когда вы исполнили пасс Виктория...

– Вероника, – мрачно поправил Хосе, – пасс Вероника...

– Ах да, конечно, – соглашался его собеседник, но потом вновь продолжал, – так вот, когда вы исполнили пасс Виктория...

Хосе вновь сделал большой глоток. Пожилой сеньор продолжал говорить, и его слова казались тореро таким же назойливыми и докучливыми, как мухи, кружащиеся над быками в особенно жаркие дни. Однако вскоре эта малоприятная беседа подошла к концу – в зал вдруг вошли опоздавшие гости. То были молодой ветеринар Санчо Панса дель Кампо и его супруга, донья Лаура.

Сеньора не искала взглядов – но все без исключения гости в тот момент смотрели только на неё. На ней было платье из матового шёлка, с золотистой вышивкой на подоле. Цвет платья напоминал вечнозелёную крону дерева, в честь которого была названа его обладательница.

– Лаура... – Хосе едва слышно прошептал её имя.

Новоиспечённый матадор осознал горькую иронию: раньше венком из ветвей лавра венчали победителей, но ему, Хосе Гонсалесу Торресу, не суждено удостоиться этой чести, несмотря на его триумф на арене. Однако, мой любезный читатель, лавр символизирует не только славу. Его листья не тускнеют, сохраняют свою зелень даже под палящим солнцем и иссушающими ветрами. Такой была и донья Лаура – всё в ней: её осанка, мягкая улыбка и тёплый блеск ореховых глаз, излучало внутреннюю силу и спокойное достоинство. Она вошла, являя собой свежесть бриза, блуждающего среди вечнозелёных рощ, как лёгкое дыхание самой нетленной жизни.

– Это же Лаура Гарсия Лопес, дочка покойного сеньора Леандро Гарсия Руиса, – воскликнул невольный собеседник Хосе, – жаль его, хороший был человек, достойный, блестящего ума!

– Да, сеньор, – кивнул Хосе, наблюдая, как к ветеринару Санчо и донье Лауре подходит сам хозяин дома с супругой, радушно приветствуя новоприбывших.

Затем к ним приблизилась и сеньорита Мария Мартинес. Хосе не мог расслышать её слов, но сразу заметил, как сияют её глаза – от гордости и чувства собственного превосходства. Не донёсся до него и ответ супругов, но по их лицам, открытым, искренним, легко было угадать неподдельную радость.

– Я прошу прощения, – произнёс молодой тореро.

Не дожидаясь ответа пожилого сеньора, он осушил бокал с вином и поспешил навстречу донье Лауре и Санчо.

Те в это время присоединились к дону Мигелю, который был несказанно рад встрече. Санчо Панса дель Кампо, раненый в ногу во время Гражданской войны, мог понять травмированного матадора, как никто другой. Ветеринар и бывалый тореро со смехом договорились держаться вместе, ибо ничто, мой любезный читатель, не объединяет так, как общая беда.

Хосе приблизился к ним – и мгновенно почувствовал, что снова может дышать легко и непринуждённо.

– Сеньор Панса, донья Лаура... Я так рад видеть вас!

Он поклонился ветеринару, а после учтиво, но, быть может, чересчур порывисто, прижал к губам руку сеньоры.

– Взаимно, сеньор Гонсалес, – ответил Санчо, улыбаясь совершенно искренне, – признаюсь, я редко остаюсь на корриде после осмотра быков, но ваш бой стоил исключения. Поздравляю вас, *matador de toros*.

– Примите и мои поздравления, – добавила донья Лаура, – вы заслужили это звание... и заслужили его уже давно.

Молодой тореро впервые за вечер улыбнулся. Он сел рядом с наставником и супругами, и Санчо стал рассказывать историю о том, что задержало его и Лауру в этот вечер:

– Лошадь, что везла нас, испугалась взрыва петарды неподалёку, резко дернулась и растянула связи...

– Правда? – хохотнул Мигель, – а донье Лауре опять пришлось просить в рыбной лавке лёд, как для меня? С такими темпами они и за него начнут деньги брать!

Все четверо засмеялись, объединённые общим воспоминанием – теперь уже не вселяющим леденящий страх, а совершенно удивительным образом согревающим душу.

Вскоре объявили пасадобль, в ритме которого билось сердце каждого тореро. Хосе вдруг поднялся и с уверенной решимостью шагнул к ветеринару:

– Сеньор Панса, позвольте мне пригласить вашу супругу на танец.

Санчо повернулся к нему, чуть приподнял брови, задержал взгляд спокойных, внимательных глаз. А после кивнул:

– Позволяю. Это ваш вечер, сеньор Гонсалес!

Донья Лаура подала молодому тореро руку. Он повёл её в центр зала, его шаг был уверенным и твёрдым, но ладонь пылала жаром.

– Мария... – обратилась к сеньорите Мартинес одна из подруг, также присутствующих на вечере, – ты же говорила, что Хосе не танцует...

Мария не ответила, лишь крепче сжала веер, не веря собственным глазам. После всего – Хосе приглашает на танец не её, а донью Лауру. Дон Мануэль, до этого увлечённый беседой с уважаемыми в мире корриды сеньорами, нахмурил брови – поведение юнца явно настораживало его. А наставник Хосе, дон Мигель Родригес, лишь вздохнул – он лучше других знал, что происходит на душе его ученика, но теперь оставлял право выбора за ним. В конце концов, дон Мигель не мог теперь отвешивать Хосе подзатыльники каждый раз, когда он вновь бросается в омут, не мог быть рядом – а может, и не должен был.

Оставались считанные мгновения до того, как оркестр грянет яркий, бравурный и смелый мотив пасодобля. Хосе, едва касаясь нежного шёлка корсажа партнерши, крепко сжимал её ладонь. Донья Лаура же легко положила свободную руку на плечо матадора – прикосновение было почти невесомым, но внутри у тореро всё замерло, а сердце забилось ещё сильнее. Зазвучали трубы, и пары, подхватив такт, тронулись с места.

Финальная терция

После стольких раз, когда Хосе выходил на арену под этот же ритм, ноги сами несли его. Он вёл донью Лауру с тем самым церемониальным достоинством, которое наполняет каждый шаг пасодобля. Его движения были сдержанными, почти холодными в своей точности, но в глазах плескались отблески того пламени, что он так тщательно скрывал всё это время. Фигура сменилась – теперь они стояли друг напротив друга. Тореро решительно отвёл левую руку в сто-

рону, словно взмахивая мулетой. Донья Лаура, слегка наклонив голову, изящно шагнула ему навстречу. В этот торжественный момент, под стать корриде Хосе с пронзительной ясностью осознал – этот бой, не с быком, а собственным сердцем, он безнадежно проигрывает.

Донья Лаура смотрела на него – не оценивая, не испытывая его на прочность, не желая привлечь внимание и не ища ответов. Она сама была ответом, понимала и принимала его не как героя арены, а как человека, для которого слава стала тяжким бременем. В следующей фигуре они вновь соединились. Хосе и донья Лаура, не размыкая рук, шагнули каждый в свою сторону, и между ними словно натянулась невидимая нить. В тот же миг она оборвалась – тореро отпустил руку сеньоры, и та сделала изящный поворот, лёгкий и стремительный, как дуновение ветра над синей гладью моря. Моря, в котором тонул молодой матадор – без шанса и, более того, без малейшего желания удержаться на поверхности.

Донья Лаура вновь приблизилась, и Хосе сжал её ладонь – в последней фигуре перед тем, как раздался резкий аккорд, когда трубы зазвучали с новой силой. Все танцующие поняли, что настала пора смены партнёров, вернее, все, за исключением одного. Лишь новоиспечённый матадор остался стоять, словно застыл в старой фигуре, продолжая сжимать руки доньи Лауры, которая теперь смотрела на него с мягким недоумением. Оркестр не успел остановиться, продолжая играть новый такт, но гости уже не танцевали. Стройная гармония была разрушена. Кавалеры и дамы в смятении застыли, и оркестр смолк, уступая место бурному обсуждению того, что же делать с незавершённым пасадоблем. Никто не позволил себе вслух обвинить Хосе, который всё ещё был героем вечера, но танцующие смотрели на него с едва скрываемой досадой, а другие гости – несколько растерянно. Мария, отчаянно обмахиваясь веером, предложила подругам пойти в сад, объясняя это духотой, стоявшей в зале после танцев. Её отец смотрел на Хосе и донью Лауру с едва скрываемым негодованием, а мать – с тревогой.

Вскоре танцующие сошлись во мнении, что пасадобль должен быть закончен с теми же партнёрами, с какими начался. Оркестр вновь заиграл знакомую мелодию, но гости танцевали без прежнего рвения. Когда музыка наконец стихла, Хосе поклонился донье Лауре, а после подал ей руку и проводил обратно к мужу:

- Спасибо за танец, сеньора, и... прошу прощения за него же.
- Не извиняйтесь, сеньор Гонсалес.

Она ответила она так легко и искренне, что тореро на мгновение воспрял духом, а потом промолвила:

- Радость порой становится тяжёлой ношей. Примите ещё раз самые искренние поздравления...
- Да, и с блестящей Альтернативой, и, как я понимаю, с помолвкой! – с широкой улыбкой промолвил ветеринар Санчо.
- Помолвкой? – нахмурился тореро
- Да, сеньорита Мартинес сама об этом говорила, – кивнула донья Лаура чуть настороженно, заметив странную перемену настроения молодого матадора.
- Вот как... – ответил Хосе, сжав зубы, – разрешите откланяться...

Не дожидаясь разрешения, юноша отправился искать Марию. Она стояла в саду и оживлённо беседовала с подругами. Чтобы в общих чертах представить себе предмет их разговора, достаточно было уловить буквально несколько слов: ткань для платья, флёрдоранж, кольцо.

– Мария, – произнёс Хосе как можно сдержаннее, но в голосе его звенело с трудом скрываемое негодование, – можно тебя на пару слов?

Мария с улыбкой кивнула, и они с Хосе отошли в более тихий уголок сада.

– Ты что делаешь? Зачем врёшь? Я не делал тебе предложение!

– Нет, Хосе, это ты что делаешь?

Улыбка мгновенно исчезла с её лица.

– Ты принимаешь приглашение, а потом танцуешь с другой женщиной на глазах у всех! Ты даже пасадобль умудрился станцевать с видом влюблённого героя. Я всё видела, Хосе! Как ты смотрел на неё, как держал её руки... Ты оскорбил меня, а я – твоя невеста!

– Я не делал тебе предложения, – повторил тореро.

– Зато ты неоднократно наносил визиты, общался с моими родителями, проводил с нами время. Мы принимали тебя, и ты прекрасно знал, что это значит!

– А ты прекрасно знала, что я люблю другую. Всегда любил!

– Зачем ты приходил тогда всё это время?

– Я не мог отказать тебе, потому что дорожил нашей дружбой, нашим детством... Мы вместе росли, Мария, доверяли друг другу все тайны, причащались у одного падре!

– Мы уже не дети, по крайней мере, я уже выросла, а ты – едва ли...

Хосе хотел было ответить, но понял – здесь Мария права:

– Прости меня... Мне не следовало приходить. Я думал, что смогу забыть любовь, и боялся потерять ещё и друга. И обманывал и себя, и тебя. Покончим с этим, Мария. Я не могу быть тебе мужем, моё сердце принадлежит другой, и ничто не в силах это изменить. Прости!

Тореро тяжело вздохнул и, последний раз взглянув на Марию, направился прочь. Сеньорита Мартинес же, ведомая отчаянием, сделала пару шагов за ним:

– Ты действительно думаешь, что всё так просто, что можно просто извиниться и уйти? Посмотри, – Мария указала на гостей, собравшихся в саду, – все эти люди – учредители коррида, покровители Plaza de Toros, от которых зависит твоё будущее. И они свидетели всего, что было между нами все последние месяцы. Теперь подумай, чем может обернуться твоя несвоевременная честность? Ты правда готов потерять всё, и потом, в одиночестве и бедности, грезить о замужней женщине, для которой ты – лишь повод потешить своё самолюбие!

Хосе резко остановился. Гнев, едва успев утихнуть, разгорелся с новой силой. Он развернулся на каблуках и посмотрел на сеньориту так, как никогда раньше. Мария вздрогнула под его взглядом, пылающим от ярости.

– Как ты смеешь? Сначала лгать за моей спиной, а теперь ещё и угрожать! И оскорблять ту, что я люблю... Всё кончено, ¡basta! Я больше не участвую в этом спектакле для твоих высоких гостей, я не актёр, а тореро! Им и останусь! А ты, Мария, предала нашу дружбу, которая так много значила для меня!

В глазах испуганной такой вспышкой гнева сеньориты блеснули слёзы.

– Но теперь и этому конец. Прощай, Мария!

Матадор стремительно направился к воротам и покинул усадьбу. Сеньорита Мартинес, не веря своим ушам, шагнула вперёд – и тут же застыла, почувствовав на себе взгляды гостей: одни – удивлённые, другие – полные праздного любопытства или, что хуже, сочувствия. Сеньор Мануэль Мартинес коротко посмотрел вслед уходящему матадору. Он знал: такая выходка не сойдёт наглому тореро с рук.

Дон Мигель, составляющий компанию ветеринару Санчо Пансе, не мог не заметить сцену между Хосе и Марией. В тот момент, когда сеньорита застыла у ворот, куда удалился молодой тореро, он понял, что теперь и ему не место на этом приёме. Матадор торопливо попрощался с Санчо и его супругой и, опираясь на трость, спешно направился прочь – такими широкими и быстрыми шагами, насколько позволяла травмированная нога. Он приблизился к Марии:

– Сеньорита Мартинес, – произнёс он, понизив голос, – я благодарю вас за вечер. Однако, полагаю, что мы больше не вправе пользоваться тем гостеприимством, что оказала нам ваша семья. Моё почтение сеньору Мануэлю Мартинесу.

Мария лишь сдержанно кивнула, и, когда формальности были соблюдены, дон Мигель, не задерживаясь ни на мгновение, покинул усадьбу. Он, сетуя на свое столь опрометчивое решение принять приглашение на приём, пересёк широкий прибрежный бульвар и свернул на узкую городскую улочку. В ситуации, в которой оказался maestro, была лишь одна удача – в этот раз он взял с собой трость. Несмотря на то, что солнце уже давно скрылось за горизонтом, воздух оставался жарким, почти обжигающе горячим. Запах солёного бриза постепенно сменялся ароматами жареного миндаля, жасмина и дыма от бесчисленных петард и фейерверков. Шаги дона Мигеля становились всё медленнее и тяжелее – нога давала о себе знать. Вскоре он остановился, опершись на трость и тяжело вздыхая. Тореро прекрасно понимал, что не мог ни вернуться назад, ни продолжить путь.

Однако, мой любезный читатель, судьба была милостива к дону Мигелю Родригесу – он едва успел начать досадовать на своего ученика, из-за которого оказался в полном одиночестве посреди ночного города, когда услышал за спиной ритмичный цокот лошадиных копыт и ленивый скрип деревянных колес. Потом он почувствовал стойкий запах рыбы и невольно поморщился... “Por Dios, опять рыба, за что мне это наказание...” – подумал он, как вдруг его осенило. Проклиная свою глупость, он обернулся и махнул рукой, привлекая внимание возницы приближающейся повозки.

– Эй! Сеньор! Сеньор!

Возница резко дернул поводья, останавливая лошадь, и дон Мигель, все еще опираясь на трость, но с гораздо большей живостью, зашагал навстречу.

– Вы в центр едете? – обратился он.

– А куда ж ещё, – ответил возница, пожилой, крепкий человек в потёртой рубаше, – целый день в море, потом на мель сели... Провозились весь вечер, и остались без праздника...

– Поверьте, сеньор, вы ничего не пропустили, – заверил его дон Мигель, – не подбросите?

– Погодите!

Его собеседник, судя по всему рыбак, перебил его на полуслове, взглядываясь в лицо тореро, а потом просиял:

– Я вас знаю, вы матадор, дон Мигель Родригес! ¡Madre mía! Сам Мигель Родригес! Я на все ваши корриды ходил! Как ваша нога, сеньор? Ах, чего спрашиваю, вижу же, старый дурак, что вы с тростью. Садитесь, садитесь, сеньор Родригес, в миг вас довезу!

– Благодарю, сеньор... – Мигель выдержал паузу.

– Бернардо, Бернардо Рамирес... Очень приятно!

Рыбак Бернардо энергично взмахнул поводьями, и лошадь тронулась и потрусила вперёд с куда большей прытью, словно сама была равнодушна к корридам, как и её хозяин. Он, воодушевлённый неожиданной встречей, увлечённо говорил, но дон Мигель почти не слушал. Матадор слегка приподнимался в сидении, его взгляд то устремлялся вперёд, то скользил в сторону, когда они проезжали мимо поворотов в узкие переулки. К счастью, знакомый силуэт вскоре показался – Хосе, как не странно, шёл не по направлению к центру Валенсии, а прямо навстречу повозке. Разглядев в свете фонарей лицо наставника, он ускорился.

– Maestro... – виновато начал он, – я уже ушёл, и только потом вспомнил про вашу ногу и решил вернуться.

Мигель фыркнул:

– Какой ты заботливый, muchacho... Представляю, как бы все обрадовались твоему возвращению! Впрочем, приятно, что ты не забыл про меня.

– ¡Dios mío!³⁰ Вы же тот самый Хосе Гонсалес, который принял вчера Альтернативу! Что за вечер такой сегодня! – старый рыбак не верил своей удаче.

– Сеньор Рамирес, не позволите ли вы и этому тореро к нам присоединиться? Я его padrino, и точно знаю, что после больших приёмов его нельзя оставлять одного. По крайней мере, праздник в честь первого боя как новильеро закончился крайне печально, – произнес Мигель, растягивая слова.

Тогда Хосе было пятнадцать лет, он и другие новильеро сошлись в решении покинуть празднование и устроить своё – посреди таких загадочных и манящих в вечернем сумраке валенсийских улиц. Хосе уже не помнил, где и каким образом кто-то из компании раздобыл вино, и последующие события почти стёрлись из памяти. Лишь два воспоминания оставались до боли отчётливыми – он сам, стоящий у апельсинового дерева, согнувшись пополам, и дон Мигель, закидывающий его руку себе через плечо, чтобы доставить бедолагу прямиком в дом обеспокоенных родителей.

В тот момент Хосе думал, что ему не доведётся испытать худшего позора. Теперь же он в полной мере осознал, как наивен он был тогда. Эта мысль вызвала у него горькую усмешку. Когда оба матадора уже сидели, каждый со своей стороны от добросердечного рыбака, повозка снова тронулась. Чем ближе к центру они приближались, тем ярче сияли огни Валенсии, тем веселее звучал смех горожан, которые словно надеялись продлить эту ночь еще немного, хотя бы на час, хотя бы на миг, и тем крепче тревога пускала корни в сердцах обоих тореро.

Когда Хосе вернулся домой, родители ещё не спали. Они не добились от него внятных ответов на вопросы о вечере – а это всегда означало, что дела были плохи. Тореро осторожно прошёл в спальню, которую делил с братом: Эстебан уже спал, тихо посапывая и свесив ногу

³⁰ исп. Боже мой!

и руку на пол. Кровать Хосе была не заправлена и будто предчувствовала скорую встречу со своим хозяином.

- Спокойной ночи, – прошептала сеньора Хуанита, закрывая дверь в комнату сыновей.
- Mamá, – вдруг позвал Хосе, едва слышно, – останься...

Мать замерла, поражённая таким внезапным порывом сыновней нежности.

- Конечно, tesoro³¹...

Сеньора Хуанита села на кровать старшего сына, а тот положил голову ей на колени. Умилённая мать долго гладила его по тёмным волосам, пока он не забылся сном. Никто не знал, что принесёт новый день, но в тишине и мраке ночи тревоги медленно таяли, превращаясь в прохладную дымку. В тот миг, когда сеньора Хуанита осторожно переложил голову уснувшего сына на подушку, она знала: пока её мальчики – уже взрослые, но всё ещё маленькие, особенно когда засыпают – мирно спят здесь, в собственных кроватях, ничто на свете не способно потревожить то невыразимое, тихое счастье, что окутывает их дом.

В тот же самый момент ещё одна валенсийская сеньора тоже стала свидетелем душевных потрясений своего ребёнка. На вилле семьи Мартинес праздник уже окончился, уступив место девичьим слезам и биению разбитого сердца. Мария, совсем недавно блиставшая на Batalla de Flores и роскошном приёме в доме отца, горько рыдала, уткнувшись лицом в колени матери. Сеньора Кастро нежно проводила рукой по волосам и спине дочери, а сеньор Мартинес шагал перед ними взад вперёд и, пылая от гнева, восклицал:

– Паршивый, наглый юнец! Пусть забудет о корриде! Посмотрите, как возгордился... Но ничего – клянусь, я напому ему, где его место. Он больше никогда не выйдет на арену. Пусть возвращается в свою лачугу! Сапожником ему уже не быть – он за всю жизнь ничему не научился, кроме как тряпкой махать да улыбаться – так пусть обувь чистит до конца своих дней!

Мария зарыдала ещё громче, и сеньор Мартинес, внутри которого всё кипело от ярости и бессилия, вдруг опустился рядом с ней на колени, порывисто сжимая её руку:

– Доченька моя... – говорил он дрожащим голосом, – сердце моё, не плачь. Он этого не стоит. И он ещё поймёт это, пожалеет, сто раз пожалеет! А ты... ты будешь счастлива, ты получишь всё, что только пожелаешь, и даже не вспомнишь о нём, слышишь? Ни за что не вспомнишь про этого Хосе!

- Да, rará, – всхлипывала Мария, – не вспомню ни за что, никогда...

Почти всё из сказанного в тот вечер в комнате Марии, безутешной и униженной, сбылось. Родители дали дочери всё, что только могли. Она обрела собственное счастье. Стала всё реже и реже вспоминать первую любовь, сокровенную мечту, которая так и осталась красивым, но несбыточным сном. Но забыть её окончательно, мой любезный читатель, она не сумела. Как и Хосе Гонсалес Торрес – свою. Он не мог и не хотел отпускать свою любовь, запретную и невозможную – даже если придётся заплатить за это всем, чего добился. И эта неспособность предать мечту забвению стала последним, что объединяло их после всего произошедшего.

³¹ исп. сокровище

Однако с рассветом дурманящий и тягучий туман грёз рассеивается, и новый день вступает в свои права, как властный хозяин – то милостивый, то суровый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.